

ШАЛЯПИН

Виталий
Дмитриевский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Виталий Дмитриевский

Шаляпин

«ВЕБКНИГА»

2014

Дмитриевский В. Н.

Шаляпин / В. Н. Дмитриевский — «ВЕБКНИГА»,
2014 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04800-3

Русская культура подарила миру певца поистине вселенского масштаба. Великий артист, национальный гений, он живет в сознании современного поколения как «человек-легенда», «комета по имени Федор», «гражданин мира» и сегодня занимает в нем свое неповторимое место. Между тем творческая жизнь и личная судьба Шаляпина складывались сложно и противоречиво: напряженные, подчас мучительные поиски себя как личности, трудное освоение профессии, осознание мощи своего таланта перемежались с гениальными художественными открытиями и сценическими неудачами, триумфальными восторгами поклонников и происками завистливых недругов. Всегда открытый к общению, он испил полную чашу артистической славы, дружеской преданности, любви, семейного счастья, но пережил и горечь измен, разлук, лжи, клеветы. Автор, доктор наук, исследователь отечественного театра, на основе документальных источников, мемуарных свидетельств, писем и официальных документов рассказывает о жизни не только великого певца, но и необыкновенно обаятельного человека. Книга выходит в год 140-летия со дня рождения Ф. И. Шаляпина.

ISBN 978-5-235-04800-3

© Дмитриевский В. Н., 2014
© ВЕБКНИГА, 2014

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виталий Дмитриевский

Шаляпин

*Весь мир – театр.
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва младенец...*

У. Шекспир. Как вам это понравится

Я рассказываю как будто всё о пустяках, о мелочах, о маленьких людях; но эти мелочи имели для меня огромное значение. Я на них воспитывался. Мы ведь все воспитываемся мелочами. То, чему нас учат Шекспиры, Толстые, гении мира, даже на разум наш непрочно ложится, а мелочи жизни, как пыль в бархат, проникают в сердце, порою отравляя его, а порою облагораживая. И хочется рассказать о маленьких хороших людях. Большие-то о себе сами расскажут.

Ф. И. Шаляпин. Страницы из моей жизни

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким

Выпуск

1648

(1448)

Исследователи творчества Шаяпина – искусствоведы, историки, краеведы, сотрудники архивов, библиотек, музеев, частных собраний – за годы работы обнаружили немало документальных источников, мемуарных и эпистолярных свидетельств, разного рода ведомственных циркуляров. Незабываемые впечатления оставили личные встречи с родственниками Федора Ивановича, его бывшими коллегами, друзьями, знакомыми, страстными поклонниками. Всем им автор выражает искреннюю признательность за доброе сотрудничество. Особая благодарность Екатерине Романовне Дмитриевской за помощь в многолетнем изучении жизни и творчества великого артиста.

© Дмитриевский В. Н., 2014

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2014

Пролог Человек-эпоха

Если я в жизни был чем-нибудь, так только актером и певцом. Моему призванию я был предан безраздельно. У меня не было никакого другого побочного пристрастия, никакого заостренного вкуса к чему-либо, кроме сцены.

Ф. И. Шаляпин

Федор Иванович Шаляпин – фигура в той же мере реальная, сколь и легендарная, воссозданная в исследовательской и художественной литературе, в богатом мемуарном, эпистолярном, кинематографическом, «звуковом» наследии, наконец – в устных рассказах, передаваемых из поколения в поколение. В совокупности всё это разнообразие фактов, впечатлений помогает понять, в каком богатом общественном, культурном и житейском окружении жил и творил великий артист. Среди «истолкователей» насыщенной событиями жизни великого артиста, ее интерпретаторов мы встречаем литераторов, артистов, музыкантов, критиков, художников, просто искренних почитателей и поклонников его таланта.

Время необратимо, сценические и вокальные шедевры Федора Ивановича Шаляпина сохранились для нас в несовершенных кинематографических копиях, звукозаписях, в свидетельствах очевидцев. Точность исторической и повседневной житейской детали, интерпретация факта, трактовка документа, наконец просто толкование обросшей часто невероятными подробностями «молвы» об Артисте, для понимания личности Шаляпина чрезвычайно важны. И тут мало читательской проницательности и осведомленности, какой бы широкой она ни казалась. Здесь крайне существенна непредвзятая оценка подчас сложных и противоречивых событий жизни Шаляпина, готовность и желание в море домыслов, досужих сплетен, а часто и преднамеренных наветов найти истину, понять логику мыслей, чувств, переживаний Артиста, попытаться осмыслить бытовые, биографические, художественные факты его жизни в реальном историческом и культурном контексте времени...

Когда-то актерское кочевье по России стало для Шаляпина его «университетом». В бродячих театральных труппах житейский опыт и сценическое мастерство передавались «из уст в уста», перетекали от одного поколения к другому – зримо, наглядно, в репетициях и спектаклях, наскоро собранных предприимчивыми антрепренерами, в неустроенном быте постоянных дворов. И, конечно же, в рассказах, «случаях», воспоминаниях, невероятных поучительных историях побед и поражений, увлечений и разочарований, коварства и любви, истины и лжи, преданности и вероломства, за которыми коротали время в долгих переездах и затянувшихся межсезоньях удачливые и невезучие вдохновенные и ревностные служители Талии и Мельпомены.

Школа жизни Федора Шаляпина неотделима от школы театра. Искренняя непосредственность, природный дар лицедея стремительно обогащались яркими впечатлениями, преобразовывались в высокий артистизм неповторимой творческой индивидуальности. Федор легко вбирал в себя чувственный и жизненный опыт собеседника, кем бы тот ни был – случайным попутчиком, собратом по счастью или несчастью, чиновником в конторе, церковным певчим, поваром, гувернанткой или выдающимся ученым, музыкантом, художником, актером, писателем, великим князем или особой царской фамилии. Певец открыт всем. А имена тех, кого Шаляпин называл своими наставниками или учителями, могли бы составить обширный список.

Создатель Русской частной оперы, энергичный промышленник и увлеченный искусством меценат Савва Иванович Мамонтов восхищенно рассказывал своему другу Константину Сер-

геевичу Станиславскому, одному из основателей Московского Художественного театра, как молодой Шаяпин жадно вбирал новые сведения о жизни и об искусстве. «При этом, – вспоминал Станиславский, – по своей актерской привычке он показал, как Федор Иванович жрет знания, сделал из обеих рук и пальцев подобие челюсти, которая жует пищу». Как раз в «мамонтовский» период творчества, готовя роль Бориса Годунова, Шаяпин, по свидетельству певицы В. И. Страховой-Эрманс, слушал лекции выдающегося русского историка, профессора Московского университета Василия Осиповича Ключевского, «не только ушами, но как бы ловил их ртом... казалось, что Шаяпин тут же претворяет мысли Ключевского, облекая их в художественную форму для сцены».

И в юные годы актерских скитаний, и в пору своей фантастической славы Шаяпин всегда – душа компании, Человек Театра, неистощимый на выдумку. Имея в запасе множество занятных историй, жанровых зарисовок, Шаяпин сразу окружал себя благодарными слушателями и зрителями. «Он ни на минуту не умолкал: остроты, вызывающие неизменные взрывы дружного смеха, юмористические рассказы в лицах из собственных наблюдений и забавные анекдоты – все это сыпалось как из рога изобилия. Незаурядное, безобидное остроумие, тонкая наблюдательность, огромная память и способность из каждого пустяка создать экспромтом нечто художественное, а главное, удивительное чувство меры и такта – все это вызывало невольный восторг слушателей... Рассказывая, он моментально превращался в каждое из действующих лиц», – вспоминал писатель Степан Скиталец. До последних дней певца восторженным слушателем оставался его друг, замкнутый и не любивший шумных сборищ Сергей Васильевич Рахманинов. Для него Федор Иванович специально запасался интересными «случаями из жизни».

Великим художником и реформатором отечественного и мирового искусства Федор Иванович Шаяпин стал не только благодаря своему трудолюбию, творческой целеустремленности, стечению обстоятельств, но еще и потому, что его природный дар был чутко услышан, замечен, заботливо взлелеян, понят и взращен окружавшими его талантливыми людьми, остро ощутившими бунтарский освободительный дух времени в самом широком смысле. Творец великих сценических шедевров, Шаяпин сам становился персонажем литературных и музыкальных произведений, живописных полотен, зарисовок, скульптурных изваяний... Современники увидели в нем портрет времени, обобщенный символ эпохи, воплощение творческих и мировоззренческих исканий целых поколений.

Соответствовал ли Шаяпин как реальная фигура представлениям о нем, нередко односторонним, восторженным, подчас демонстративно категоричным, а порой и искусственно навязанным публике? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Художник, щедро одаренная природой личность, великий работник в искусстве! В Шаяпине боролось, уживалось, конфликтовало множество противоречивых идей, рожденных полетом вдохновения, ищущей мысли, остротой пережитых чувств. В их борениях рождался гений созидания, в них прямо и косвенно проявилось и то живое влияние, которое оказывали на Шаяпина современники и породившая их эпоха. Художник, творец и в то же время человек – неотразимо обаятельный, страстный, открытый людям, окрыленный светлой увлеченностью жизнью, театром, любимой женщиной, природой, детьми, друзьями, товарищами по искусству.

...Существуют две могилы Шаяпина: одна в Париже, на кладбище Батиньоль, где артист покоился с 1938 до 1984 года, другая в Москве, на Новодевичьем кладбище. Здесь перезахоронен прах певца. Белый мраморный памятник работы скульптора А. Елецкого не предназначался для надгробия и попал в некрополь по воле случая, впрочем, весьма закономерного, если вспомнить непростую судьбу Федора Ивановича Шаяпина.

Так случилось, что и при жизни, и после смерти великого артиста его биографию многократно переписывали – в зависимости от «злобы дня». Идея перезахоронения праха Шаяпина на родине возникла под знаком «восстановления исторической справедливости», и ее реали-

зация была по-своему смелым поступком. Эмиграция из Советской России – тяжкий грех и одновременно «трагедия художника, не принявшего революцию». Событию предшествовала долгая борьба с «консерваторами», которую самоотверженно возглавил писатель Юлиан Семенов, и только его личное прикрытие с влиятельными в ту пору фигурами – например, с председателем Комитета государственной безопасности СССР Ю. В. Андроповым – решило дело. Тем не менее высшие власти дистанцировались от церемонии. Хоронили прах великого артиста на Новодевичьем кладбище «полуофициально», провести «мероприятие» доверили Большому театру и Союзу композиторов.

К 1990-м годам идеологическая конъюнктура в стране резко изменилась... Все то, чем попрекали Федора Ивановича долгие годы – эмиграция, «крамольная» книга «Маска и душа», – в новой политической ситуации создавало ему ореол жертвы большевизма, хотя еще при коммунистическом режиме – в 1991 году до развала СССР – Совет министров РСФСР успел отменить «как необоснованное» постановление Совнаркома от 1927 года о лишении певца звания народного артиста.

...В 1938 году мир скорбел о кончине великого артиста. Гроб с его телом еще стоял под образами в квартире на улице д'Эйло, когда 14 апреля в московских «Известиях» появилась заметка. В ней, в частности, говорилось:

«Громадный талант Шаляпина иссяк уже давно.

Ушел он из жизни, не оставив после себя ничего, не передав никому методов своей работы, большого опыта. Литературное наследство Шаляпина не представляет ничего интересного для искусства. Это хронологическое изложение различных эпизодов, поражающее своим идейным убожеством».

...Часто в концертах Шаляпин исполнял арию Дона Базилио о клевете. Что такое ложь, демагогия, оскорбительные намеки и домыслы, певец знал не понаслышке. Феноменальную популярность, славу, обаяние, доверие Федора Ивановича Шаляпина использовали друзья и враги, журналисты и критики, политики и обыватели, радикалы и либералы, «левые» и «правые»...

В книге предпринимается еще одна попытка освободить наши представления о Федоре Ивановиче Шаляпине от досужих домыслов, предвзятых представлений и приблизиться к истине в понимании трудной и великой жизни и судьбы Артиста.

Часть первая Время жить!

Театр свел меня с ума, сделал почти невменяемым... Магический кристалл, через который я Россию видел, был театр. Все, что я буду вспоминать и рассказывать, будет так или иначе связано с моей театральной жизнью. О людях и явлениях жизни я собираюсь судить не как политик или социолог, а как актер, с актерской точки зрения. Как актеру, мне прежде всего интересны человеческие типы – их душа, их грим, их жизнь.

Ф. И. Шаляпин

Глава 1 На рубеже веков

В атмосфере бурного экономического развития конца XIX – начала XX века отечественная культура перестает быть привилегией аристократических слоев и богатых предпринимателей. Культура и искусство в разных формах и проявлениях энергично входят в городские предместья, становятся непременной принадлежностью повседневного быта. Совершенно особую художественную и просветительскую роль в жизни горожан начинает занимать театр, сценический язык оказывается доступен самым широким массам «простого люда», в том числе и неграмотным крестьянам, нахлынувшим в столицы и промышленные центры России.

Публика в зале определяет репертуар, исполнительский стиль, «лицо театра». Лучшие места теперь занимают не только дворяне-аристократы, но и среднее чиновничество, купечество, буржуазия, предприниматели, адвокаты, юристы, врачи, студенчество, учителя, гимназисты, торговцы, мастеровые, «обслуга»... Зрители ждут от театра показа близкого им быта, подчас бурно выражают свое отношение к событиям и героям. И именно на новую публику надеется А. Н. Островский, с ней он связывает будущее театра. «Все, что сильно в Великороссии умом, характером, все, что сбросило лапти и зипун, все это стремится в Москву: искусство должно уметь управиться с этой силой, холодно рассудочной, полудикой по своим хищническим и чувственным инстинктам, но вместе с тем наивной и детски увлекающейся... Русская нация еще складывается, в нее вступают свежие силы; зачем же нам успокаиваться на пошлостях, тещащих буржуазное безвкусице?»

В написанной в том же 1891 году записке «О причинах упадка драматического театра в Москве» А. Н. Островский полемически жестко выразил свое отношение к зрителям: «Для буржуазной публики нужен театр роскошный с очень дорогими местами, артисты посредственные и репертуар – переводный. Для публики понимающей и чувствующей нужен театр с местами очень дешевыми и с отличной труппой, туда буржуазия не пойдет».

Новый зритель хочет видеть на сцене жизнь, которую знает, театр с готовностью идет ему навстречу. И в самой творческой среде в эту пору растет стремление разрушить видовые и жанровые границы, театр вовлекает в сценическое пространство музыкантов, художников, композиторов. Промышленник и предприниматель Савва Иванович Мамонтов организует домашний театр, художники выступают в нем декораторами, актерами, певцами. Впоследствии В. М. Васнецов, К. А. Коровин, М. А. Врубель, В. А. Серов, И. И. Левитан станут соавторами замечательных спектаклей нового музыкального театра – Московской частной оперы С. И. Мамонтова.

«В чем особенная сила театра? – размышляет один из создателей открывшегося в Москве в 1898 году Художественно-общедоступного театра Вл. И. Немирович-Данченко, вспоминая эти годы. – Почему к нему тянутся и девушка из глухой провинции, как Нина Заречная в “Чайке”, и гимназист, и купеческий сын, и отпрыск княжеского рода князь Сумбатов... И лучшие писатели, перед которыми раскрыты настежь двери, предпочитают отдавать свои лучшие чувства театру и актерам?... Музыка жизни, дух легкого свободного общения, непрерывная близость к блеску огней, к красивой речи: возбуждается все мое лучшее; идеальное отображение всех человеческих взаимоотношений, всегда трепетных, всё они переживают вместе: и радость, и слезы, и негодование.

Царство мечты. Власть над толпами».

В обществе рубежа XIX—XX веков рождался новый тип российского человека. Он ценит свободу, независимость, суверенитет личности. Осознание этих духовных посылов становится актуальным и важным для мировоззрения художника. В «картине мира» «частного человека» складывается романтический образ героя времени, преобразователя жизни, носителя передовых демократических идей. «Русские художники, – заметил искусствовед Н. Я. Берковский, – более других в Европе были правозащитниками того, что слабо еще, стоит нетвердо на сегодняшний день, и тех, кто слаб. Сама человечность была слаба в человеческом обществе... Русский и театральный реализм подобен реализму литературному – Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Он писал картину всех господствующих сил в жизни, а в глубине картины реяли духовные сущности, которые могли бы пересоздать этот жизненный режим. В одной картине совмещались и силы, создающие жизнь, какова она на сегодня, и силы, призванные пересоздать ее, без романтического порыва одного от другого, что и составляло огромное преимущество русских художников-реалистов, была ли это литература, был ли это театр».

В искусстве XX столетия исключительно возросла роль «визуальности», усилился интерес публики к живописи, к зрелищным искусствам, к театру, к стремительно развивающемуся кинематографу. «В самом деле, – писал художник И. Е. Репин, – заметно, что наши современники все больше проявляют склонность воспринимать разного рода идеи глазами, через посредство изобразительного искусства, и вместо прежнего интереса к книгам в наши дни намечается возрастающий интерес к картинам».

Театр стал мощным притягательным центром, он властно вовлек в свою орбиту могучие таланты. На сценических подмостках публике открывался новый мир идей, создавался зримый образ современника, открывались пути его духовного совершенствования. На театр надеялись, верили в его возможность воспитать человека, существующего в гармонии внутреннего и внешнего мира, носителем идеи братского единения и всеобщей справедливости. Театр помогал «частному человеку» обрести опору в жизненных бурях, укрепиться в собственном самосознании, предназначении. В артистах публика видела «властителей дум», пророков, наставников, учителей, правдоискателей. Доступность, распространенность, живая действенность сценического искусства привлекали к нему публику разных сословий и вовлекали в его орбиту выдающихся художников современности. «Театр в наши дни, – утверждал искусствовед И. Э. Грабарь, – единственная область, где художник может еще мечтать о большом празднике для глаз, в котором есть где развернуться воображению». «Никто в театре не хочет слушать, а все хотят видеть», – заметил художник Л. Бакст. «Краски могут быть праздником для глаз, как музыка – праздник уха, души, – полагал живописец и декоратор К. А. Коровин. – Вот эту задачу я поставил себе в декоративной живописи театра, балета и оперы... Какая богатая палитра – театр!»

И деятели искусства, и сама публика в диалоге, в общении находили внутреннюю энергию созидания, стремились приблизиться к высоким идеалам. «Наконец-то, – удовлетворенно замечал режиссер К. С. Станиславский, – люди начинают понимать, что теперь, при упадке

религии, искусство и театр должны возвыситься до Храма, так как религия и чистое искусство и очищают душу человечества».

Так сложилось, что в массовом сознании начала 1900-х годов «картина мира» формировалась исторично, в тесной сопряженности прошлого и настоящего с представлениями о будущем, связанными между собой глубинной культурно-исторической преемственностью, взаимовлиянием литературно-художественных видов и жанров. В театре эта сопряженность воплощалась с предельной очевидностью: наследие классиков оживало в восприятии публики в осязаемых конкретных образах, в богатой зрелищности режиссерских, актерских, музыкально-сценографических прочтений. В живом восприятии театральной аудитории поэзия, проза, драма «актуализировались» в обновленном, отвечающем «настроению момента» визуальном сценическом варианте, психологически насыщенном и одухотворенном фантазией и талантом исполнителей. Сценические персонажи, созданные великими корифеями театра, «властителями дум» – Ермоловой, Ленским, Федотовой, династией Садовских, Варламовым, Давыдовым, Савиной, Комиссаржевской, Шаяпиным, Собиновым, Ершовым, вступали в непосредственное общение с аудиторией, чутко реагировали на атмосферу зала, на его оценки. Произведения писателей, поэтов, драматургов выступали в театре как преобразованная их сценическим талантом одухотворенная действительность.

Публике открывался новый круг идей, создавался зримый образ героя времени, обнаруживались пути духовного самосовершенствования. «Для нас пьесы и театры до сих пор то же самое, что, например, для западного европейца парламентские события и политические речи», – подчеркивалось в одной из статей журнала «Театр и искусство». Здесь же сообщалось, что в «интеллигентских кругах» немногие читают журналы, покупают книги, но все читают газеты и посещают театр: «Газеты и театр – самые могущественные факторы идейных влияний: обсуждается все, выходящее из театра, как нечто конкретное, жизненное, как случай из настоящей жизни». Самой публикой, а не только журналистами и критикой, театр тем самым осмыслялся как инструмент мощного воздействия на общественное сознание: «Театр не пустая игра, его действительное призвание служить бессмертным идеалам красоты и правды... Театр единственное место, где русский чувствует себя гражданином, где он сливается с подобными себе и упражняется в образовании общественного мнения... Положение в государстве театра служит четким показателем степени культурности страны, ее прогрессивного роста или ее распада».

Конечно, в этих страстных заклинаниях нередко больше романтических надежд, чем оценок реального состояния сцены: театров самого разного качества и масштаба – столичных, государственных, частных, провинциальных, любительских, «народных», «дачных» и прочих – было немало, и в своем множестве они образовывали весьма пеструю и неоднородную художественную панораму. Но сами эти восторженные декларации показательны: они свидетельствовали об общественном понимании роли сценического искусства, которое сложилось в России на рубеже XIX—XX веков. И именно в таких творчески благоприятных условиях юный Федор Шаяпин робко, но целеустремленно переступает сценическую рампу театра и навсегда входит в художественный мир.

Глава 2

Заглянув в прошлое

В вестибюле казанской гостиницы «Франция» на черной доске мелом поименованы постояльцы. В конце августа 1912 года в списке гостей появилась фамилия – Шаяпин. Знаменитый бас приехал на родину – не гастролировать, а «приватно». «Шаяпин решил дополнить свои мемуары более обширными воспоминаниями о своих детских и юношеских годах, и с этой целью он посетит все места, связанные с его детством, – сообщила газета «Казань». – Кроме того, Ф. И. Шаяпин специально везет из Петербурга фотографа, который будет производить снимки. Этими снимками будут иллюстрированы мемуары».

Федора Ивановича в поездках обычно сопровождал слуга-китаец с длинной косой. Имя ему было присвоено русское – Василий. Фотограф же отыскался на месте – Г. Г. Сотников, работавший под началом казанского доктора-аптекаря Эмилия Грахе: он, кстати, приходился родней Марии Валентиновне Петцольд, второй жене Шаяпина; она тоже родом из Казани. (Запутанные семейные связи расследует в своей обстоятельной книге «Шаяпин в Казани» С. В. Гольцман.)

Г. Сотников сделал около пятидесяти снимков, стремясь запечатлеть Казань времен детства великого артиста. За минувшие 40 лет город мало изменился. На одной из фотографий – облезлый дом с осыпавшейся штукатуркой. Рядом с высоким элегантным Федором Ивановичем седобородый портной П. И. Глузман. Когда-то он спасал маленького Федю от жестоких побоев. При встрече Глузман, разумеется, не узнал Шаяпина – так об этом рассказывает со слов Ф. И. Шаяпина его дочь Ирина Федоровна:

– Здравствуйте, господин! Что вам угодно? Что пошить?

– А где же сапожник?

– Помер года три назад.

– А помните его ученика Федьку?

– Федька? Был, был такой.

– А не знаете, куда он девался?

– Таки пропал. Правда, говорят, что знаменитый Шаяпин и есть тот самый Федька, только мне не верится...

Много воспоминаний было связано у Шаяпина с Суконной слободой. Узнав дом, в котором жил когда-то с родителями, он захотел его приобрести. Это оказалось невозможным: дом недавно был продан новому хозяину. (Впрочем, что стал бы делать Шаяпин с этим домом, представить трудно: скорее всего, желание стать «казанским домовладельцем» было лишь настроением момента...)

В Шестом начальном училище Шаяпин фотографировался с учениками. На фото – несколько десятков наголо стриженных мальчишек. Узнав о приезде артиста, пришел в училище старый звонарь Лукич, с ним Федор пел в Духосошественской церкви. Вместе со своим учителем Н. В. Башмаковым и Лукичом Федор Иванович на три голоса спел «Да исправится молитва моя» и «Покаяние отверзи ми двери»...

Несколько дней спустя после приезда артиста в Казань в той же гостинице «Франция» остановился приятель Федора Ивановича литератор Степан Гаврилович Скиталец (Петров). Шаяпин собирался куда-то идти:

– Вот, завернул в Казань взглянуть на родной город, хожу здесь, отыскиваю те места, где когда-то жил... Пойдем вместе прогуляемся...

Приятель вошел во двор древнего живописного монастыря. Кладбище... Полутемная церковь, служба, молящиеся прихожане...

– Зайдем в общежитие, – сказал Шаяпин. – Там есть комната, в которой я жил.

В мрачноватом здании с длинным полутемным коридором пахло щами и помоями. Из засаленных дверей торчала рваная обивка. В конце коридора Шаяпин остановился:

– Вот! В этой комнате!

Мимо них проходил чернобородый молодой монах.

– Можно нам войти сюда? – спросил Шаяпин. – Нам только посмотреть...

– Можно, можно, – отвечал монах, оглядывая незнакомых гостей.

«Мы вошли в ужасную, полутемную, сырую комнату, в которой, по-видимому, теперь никто не жил, – вспоминал С. Г. Скиталец. – Стекла единственного окна, кажется, никогда не мылись. Голая койка, некрашенный грязный стол и какая-то рухлядь на полу.

Шаяпин опять долго стоял молча, о чем-то думая. Казалось, он ожидал, как и у сапожной мастерской, встретить то хорошее, что – он помнил – было здесь когда-то!

Или вспомнил он юного монастырского служку с пылкой головой, обуреваемой несбыточными мечтами, которому было хорошо здесь?.. И отчего было хорошо?.. Не от пламенной ли юной фантазии, не замечавшей окружающего убожества и уносившейся в сказочное царство?

Отчего же теперь тут так голо, неприглядно и холодно, словно навсегда ушло отсюда то, что как будто оставил здесь юный мечтатель?

Я не мешал Шаяпину думать и молчал все время, пока мы возвращались к нему в гостиницу.

Войдя, он, не снимая пальто и шляпы, сел на стул, стоящий посреди комнаты, и, облокотившись на трость, незаметно для самого себя запел тем тихим, за душу хватающим фальцетом, каким умел петь только Шаяпин:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?..»

...Что же побудило знаменитого певца, разрываемого на части заграничными контрактами, выступлениями в Москве и Петербурге, устремиться в Казань? «Великий артист», «несравненный художник», «царь басов» – одна из самых популярных фигур 1900—1910-х годов. Портреты Шаяпина выставлены в витринах магазинов, фотоателье, тиражируются в открытках. Между реальной жизнью певца и его репутацией, создаваемой молвой, сплетнями и пересудами, – «дистанция огромного размера». Нелепые слухи не раз вынуждали артиста публично опровергать сенсации и сплетни, объяснять свои поступки, уточнять факты биографии. И надеясь если не покончить с нелепыми домыслами, то по крайней мере внести долю истины в представления публики о себе, Шаяпин собирается писать мемуары. С этой мыслью он и наведлся в Казань. Певец хотел освежить в памяти атмосферу и события детства и отрочества, встретиться с людьми, некогда знавшими его, сфотографироваться с ними и потом воссоздать свою жизнь такой, какой она виделась ему самому, или уж во всяком случае такой, какой он хотел представить ее читающей публике.

Иван Алексеевич Бунин писал о Шаяпине: «...любил он подчеркивать свои силы, свою удаль, свою русскость, равно как и то, “из какой грязи попал в князи”. Раз показал мне карточку своего отца:

– Вот посмотри, какой был у меня родитель. Драл меня нещадно!

На карточке был весьма благопристойный человек лет пятидесяти, в крахмальной рубашке с отложным воротничком и с черным галстучком, в енотовой шубе, и я усомнился: точно ли драл?»

Фотокарточка, о которой упоминает Бунин, сделана в Вятке за несколько лет до смерти Ивана Яковлевича Шаяпина. Ее можно видеть в московском Доме-музее Ф. И. Шаяпина на Новинском бульваре. На обратной стороне фотографии дочь певца Ирина Федоровна напи-

сала: «Шуба была подарена отцу Федором Ивановичем». Умер Иван Яковлевич в 1901 году шестидесяти трех лет от роду, неподалеку от Вятки, в маленькой больнице, находившейся в восьми верстах от деревни Сырцово (ее еще называли Шалапинки). Отсюда он был родом, до восемнадцати лет крестьянствовал, потом подался в город, служил дворником, водовозом, к двадцати годам выучился грамоте, пошел в писари.

Женившись на Евдокии Прозоровой, девушке из соседней деревни Лагуновской, Иван Яковлевич обосновался в Казани, поселился на Рыбнорядской улице, в доме Лисицына. В метрической книге казанской Богоявленской церкви записано: «1-го февраля 1873 года у крестьянина Вятской губернии Ивана Яковлева *Шалапкина* (курсив наш. – В. Д.) и его законной жены Евдокии Михайловой родился сын Федор». На другой день, 2 февраля, младенца крестили «крестьянин Владимирской губернии Николай Алексеев Тонков и казанского мещанина Родиона Петрова Шишкова дочь девица Людмила Родионова». Ошибка в метрической книге сделана то ли по небрежности, то ли потому, что крестный отец был мало знаком с семьей крестника.

Дочь певца Ирина Федоровна Шалапина (Бакшеева) в 1953 году встречалась с престарелой хозяйкой дома на Рыбнорядской. Та поведала собеседнице: матери Федора пришлось побегать по соседям, уговаривая их окрестить ребенка. Федора крестили на следующий день после рождения. Видимо, отец и мать потому так торопились с крестинами, что старший брат Федора Василий умер во младенчестве. Кроме того, день крестин пришелся на Сретение, и соседи, вероятно, не хотели отвлекаться от гулянья ради малознакомых людей.

Шалапины переехали в Казань незадолго до рождения Федора. Крестная мать Людмила Родионовна Харитоновна (Шишкова) в преклонные годы жила в московском доме артиста на Новинском бульваре. Она и рассказала Ирине Федоровне, как мать-портниха велела ей, тринадцатилетней девочке, крестить младенца: «Когда положили мне на руки ребенка, я, боясь его уронить, заплакала на всю церковь, закричал и младенец. Так до конца крестин мы с ним и голосили...»

В семье соседа сапожника Николая Алексеевича Тонкова в эту пору также случилось прибавление семейства. В той же Богоявленской церкви Тонков окрестил и свою дочь Александру. (Потому, наверное, и дал согласие стать крестным отцом Феде – заодно.) Впоследствии Шалапины и Тонковы дружили домами. Когда Федор подрос, его отдали в ученье к Николаю Алексеевичу. Став знаменитым, Шалапин забыл о своем крестном, но в 1904 году неожиданно получил от него письмо:

«Любезный сын Федор Иванович!

Большой промежуток времени прошел с тех пор, как я Вас видел в последний раз, и в это время я успел настолько состариться, что чуть хожу и плохо вижу, а потому не могу работать по своему ремеслу сапожника.

И до моего слуха дошло, что Вы в настоящее время стоите настолько высоко, что я в Вашу бытность в Казани два раза пытался видеть Вас, но меня как дряхлого старика приняли за нищего в моих лохмотьях, а потому попросили убраться подальше восвояси. Вот как, сынок!

Услышал я также и о том, что Вы много делаете добра... а потому и решил написать Вам, пожалейте меня и мою старуху, пришлите нам сколько-нибудь денег, чем премного обяжете и заставите вечно молить о Вас пред Всемогущим Богом.

Живу я в том же доме Лисицына, ныне Богаутдиновой, на Рыбнорядской улице, где Вы родились и воспитывались...

Остаюсь Ваш крестный отец
Николай Алексеев Тонков».

С этого времени Шалапин считал своим долгом помогать семье Николая Алексеевича.

Впрочем, и искренних поклонников, и сомнительных «земляков», желающих «небескорыстно обняться», обнаруживалось предостаточно. От слишком бурных оваций, завершившихся ликованиями и качаниями, приходилось уходить закулисными лабиринтами и хозяйственными гостиничными коридорами. Казанский журналист описывал свой приход в гостиницу, где остановился Шаляпин: «Чуть ли не на каждой ступеньке либо “родственница”, либо “близкий знакомый”. Какие-то старушки в ярко-пунцовых наколках, старички в потертых сюртуках, “без пяти минут Шаляпины” из местных певцов, театралки и поклонницы талантов, молодые люди неопределенной масти, отставные “рецензенты” с испытанными физиономиями и нежно-фиолетовыми носами. Всё это сборище разных возрастов и полов и “родов оружия” явилось поклониться “всемирно известному” Шаляпину, напомнить ему о своем существовании, а то и просто посмотреть, каков “из себя” этот Шаляпин...»

Глава 3

Казанское детство

Вскоре после рождения Федора – а оно выпало на 1 (13) февраля 1873 года – отец пошел служить писарем в Казанскую уездную земскую управу. Заработки Ивана Яковлевича начались с 15 рублей и постепенно увеличились до 35. Получал он и ежегодные денежные награждения, но они не сильно облегчали благополучие семьи. Тому виной был тяжелый, неуживчивый характер Ивана Яковлевича. «Отец мой был странный человек... Трезвый он был молчалив, говорил только самое необходимое и всегда очень тихо, почти шепотом... Я не помню, чтобы он в трезвом состоянии сказал грубое слово. Если его что-либо раздражало, то скрежетал зубами и уходил, но все свои раздражения он скрывал лишь до поры, пока не напивался пьян, а для этого ему стоило выпить только две-три рюмки. И тогда я видел перед собой другого человека... Пьяный, отец приставал положительно к каждому встречному... Бывало, какой-нибудь прилично одетый господин, предупредительно наклонив голову, слушает отца с любезной улыбкой, со вниманием спрашивает:

– Что вам угодно?

А отец вдруг говорит ему:

– Желаю знать, отчего у вас такие свинячьи глаза?»

Об отце певец вспоминал сдержанно и противоречиво. В его памяти Иван Яковлевич оставался «странным человеком». Высокого роста, со впалой грудью и подстриженной бородой, он был не похож на крестьянина. «Волосы у него были мягкие и хорошо причесаны – такой красивой прически я ни у кого больше не видел. Приятно мне было гладить его волосы в минуты наших ласковых отношений. Носил он рубашку, сшитую матерью, мягкую, с отложным воротником и с ленточкой вместо галстука, а после, когда явились рубашки “фантазия”, – ленточку заменил шнурок. Поверх рубашки – “пинжак”, на ногах смазные сапоги, а вместо носков – портянки».

С. В. Гольцман сомневался в объективной оценке Ивана Яковлевича Шалапина: исследователи слишком доверились мемуарам певца. «Стоит ли подчеркивать пьяный и разгульный характер отца Ф. И.? Насколько это соответствует действительности? Ведь, как показывают архивные данные, И. Я. Шалапин трижды поступал в Уездную управу и трижды уволился. Однажды избавившись от горького пьяницы, второй раз его бы не приняли в управу, не так ли? Даже в наше время никакой профсоюз не помог бы. А в прежние времена тем более. И еще. Как вяжется, например, такой факт: пьяница, пропойца, пришедший в Вятку пешком в солдатской шинели, вдруг становится волостным судьей в ряду учредителей общества трезвости?»

Может быть, правы И. А. Бунин и С. В. Гольцман? Может быть, Шалапин в своих воспоминаниях, записанных Горьким, страстным социальным обличителем «свинцовых мерзостей жизни», под влиянием «соавтора» несколько «сгустил краски» своего трудного семейного быта? Или Федор Иванович, эгоистически сбросивший с себя бремя бытовых забот, сам хотел как-то оправдать свой побег из семьи?

...Обитали Шалапины в эту пору в Суконной слободе, в доме Лисицына на Рыбнорядской улице. Примечательное совпадение: подростком Горький тоже в 1880-х годах жил на этой улице в полуразрушенном доме со странным названием «Марусевка», неподалеку – пекарня булочника Семенова, Алексей служил у него подручным. Вполне возможно, что Федор и Алексей встречались на уличных перекрестках, но тогда их интересы и заботы были разными: в 1881 году Горькому шел четырнадцатый год, Шалапину исполнилось восемь.

Детские воспоминания Шалапина чередуются эпизодами мальчишеских игр, деревенских праздников, жестоких уличных драк, семейных раздоров. Жили бедно, мать прирабатывала поденщиной, занималась чем придется. Федор любил мать. Как-то отец, поскандалив,

ударил жену, Федор бросился на защиту. «Жалел я ее. Это был для меня единственный человек, которому я во всем верил и мог рассказывать все, чем в ту пору жила душа моя».

Не сохранилось ни одной фотографии матери артиста Евдокии Михайловны (1844—1891). В «Страницах из моей жизни» Шалапин дает ее словесный портрет: «А внешне мать была женщиной, каких тысячи у нас на Руси: небольшого роста, с мягким лицом, сероглазая, с русыми волосами, всегда гладко причесанными, – и такая скромная, малозаметная... Есть у нас на Руси какие-то особенные женщины: они всю жизнь неутомимо борются с нуждой, без надежды на победу, без жалоб, с мужеством великомучениц перенося удары судьбы».

Лучшие воспоминания о детстве связаны у певца с деревней Ометово, где Шалапины снимали домик у мельника Тихона Карповича Григорьева и его жены Марии Кирилловны. В эту пору у Евдокии Михайловны было трое ребятишек мал мала меньше. Старшему, Федору, – пять лет. Запомнились длинные вечера: мать с соседками пряли при свете лучины, рассказывали друг другу страшные истории. За работой женщины часто пели. «Певал я часто с матушкой моей, она была очень милой домашней песельницей. Голос был простой, деревенский, но приятный. И мы часто голосили с ней разные русские песни, подлаживая голоса». Песни, которые Федор слышал в детстве, войдут впоследствии в его концертный репертуар. Предваряя исполнение песни «Эх ты, Ванька», Шалапин сообщал публике: «Записано со слов моей матушки».

В Ометове Федор слышал хороводные, обрядовые песни «зеленых святок» – на Семик, когда девушки в сарафанах и алых лентах, юноши в ярких рубахах кружились в хороводах. «Поступь, наряды, праздничные лица людей – все рисовало какую-то другую жизнь, красивую и важную, без драк, ссор и пьянства».

Как-то отец повредил ногу. Он не мог много ходить, и пришлось вернуться на Рыбно-рядскую улицу, ближе к земской управе. Федора с младшим братом и сестрой запирали в комнате, отец шел на службу, мать – на заработки. После деревенских просторов жизнь в Казани показалась Федору шумной и тоскливой.

Из дома на Рыбно-рядской улице, где некогда родился Федор, семья перебралась в Собачий переулок и, наконец, в Татарскую слободу. Здесь жизнь стала разнообразнее и красочнее. Внизу, в подвале, звенели кузнечные молотки, рядом во дворе каретники обивали экипажи свежевыкрашенной кожей и цветным сафьяном, мастера прилаживали колеса, чинили хомуты и конскую упряжь. И сквозь этот шум, звон, гвалт вдруг прорывалась песня, которую запевал, выйдя во двор, молодой кузнец. «Когда кузнец запевал песню, мать моя, сидя за работой у окна, подтягивала ему, и мне страшно нравилось, что два голоса поют так складно. Я старался примкнуть к ним и тоже осторожно подпевал, боясь спутать песню, но кузнец поощрял меня...»

Как-то зимой, до устали накатавшись на деревянном коньке, Федор забежал погреться в церковь и там впервые услышал хор. Среди певчих на клиросе были и мальчишки-ровесники с нотами в руках...

Позднее Шалапины перебрались в Суконную слободу, Федор вновь услышал церковное пение во дворе. Оказалось – выше этажом проводит спевку регент Иван Осипович Щербинин. Федор попросился в хор, довольно легко освоил азы нотной грамоты и вскоре стал петь в Духосошественской церкви. Федор делал несомненные успехи, и Щербинин назначил ему первое в жизни жалованье – полтора рубля в месяц.

Регент брал его с собой в разные церкви, на молебны, свадьбы, похороны, а спустя некоторое время определил в архиерейский хор Спасского монастыря, однако отец не считал пение стоящим занятием и потому отдал сына в учение к сапожнику Николаю Алексеевичу Тонкову. Подростку нравилось у крестного. В мастерской на полках в стеклянном шкафу аккуратно разложены сапожные колодки, свежешпахнувшая кожа. Жена Тонкова, тихая и добрая женщина, угощала Федора орехами и мятными пряниками. «Голос у нее был ласковый, мягкий и странно

сливался для меня с запахами пряников; она говорит, а я смотрю в рот ей, и кажется, что она не словами говорит, а душистыми пряниками...»

В ту пору в Казани свирепствовала скарлатина. В 1882 году болезнь унесла брата Николая и младшую сестру Евдокию. Федор недуги одолел.

Попытки Ивана Яковлевича увлечь сына полезным, с его точки зрения, ремеслом успеха не имели. Как сказочный колобок, Федор убежал от своих добрых и недобрых наставников. В конце концов Иван Яковлевич определил Федора в Шестое начальное училище. Здесь его учителем стал Николай Васильевич Башмаков (1851—1915), любитель-скрипач и знаток хорошего пения.

Федор с восторгом слушал музыкальные импровизации Николая Васильевича, он даже убедил родителя купить на толкучке за два рубля скрипку и с жаром приступил к освоению инструмента, однако скоро был остановлен отцом:

– Ну, Скважина, если это будет долго, так я тебя скрипкой по башке!

Первые театральные впечатления Федор пережил в рождественском балагане, на Николаевской площади. На Масленицу, Пасху и Святки пыльная площадь оживала, строились балаганы, качели, карусели, лотки с воздушными шарами и глиняными свистульками. Надрывались шарманки, горланил Петрушка...

Федору было лет восемь, когда он увидел балаганного деда Якова Мамонова. Его «выходы» ярко запечатлелись в душе подростка. Одетый в домотканый армяк и лапти, Яков веселыми прибаутками зазывал публику в балаган, импровизируя красочные сценки из быта мастеровых, солдатского и городского люда. «Эх вы, сестрички, собирайте тряпички, и вы, пустые головы, пожалуйста сюда! Эй, золовушка, пустая головушка, иди к нам, гостинца дам! Прочь, назем, губернатора везем!» – кричал он, держа в руках истрепанную куклу.

Гимнаст, акробат, владелец балагана с солидным названием «Театр спиритизма и магии», Яков Иванович Мамонов (1851—1907) умело вел свое семейное «художественное дело». Обитатели поволжских городов любили его веселые и озорные экспромты, красочные представления. Федор часами неотрывно наблюдал необычное зрелище. «Может быть, именно этому человеку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязан рано проснувшимся во мне интересом к театру, “к представлению”, так не похожему на действительность... Под влиянием Яшки в меня настойчиво вселилась мысль: хорошо вдруг на некоторое время *не быть самим собою!* (курсив Ф. И. Шалапина. – В. Д.) – вспоминал певец уже много лет спустя. – И вот в школе, когда учитель спрашивает, а я не знаю, – я делаю идиотскую рожу... Дома является у меня желание стащить у матери юбку, напялить ее на себя, устроить из этого как будто костюм клоуна, сделать бумажный колпак и немного разрисовать рожу свою женой пробкой и сажей. Либретто всегда бывало мною заимствовано из разных виденных мною представлений – от Яшки, и казалось мне, что это уже все, что может быть достигнуто человеческим гением. Ничего другого уже существовать не может. Я играл Яшку и чувствовал на минуту, что я – не я. И это было сладко. Яшкино искусство мне казалось пределом».

Выступления Якова Мамонова случалось видеть и Горькому – колоритная фигура запомнилась надолго: «Его “эзопова речь” всегда скрывала в себе бытовую сатиру и юмор». Но очень скоро новые яркие впечатления затмили Яшкин балаган...

«Я считаю знаменательным и для русской жизни весьма типичным, что к пению меня поощряли простые мастеровые русские люди и что первое мое приобщение к песне произошло в русской церкви, в церковном хоре, – писал Ф. И. Шалапин в книге «Маска и душа». – Между этими двумя фактами есть глубокая внутренняя связь. Ведь вот, русские люди поют песню с самого рождения. От колыбели до пеленок. Поют всегда. По крайней мере, так это было в дни моего отрочества. Народ, который страдал в темных глубинах жизни, пел страдальческие и до отчаяния веселые песни... Пели в поле, пели на сеновалах, на речках, у ручьев, в лесах и за лучиной. Одержим был песней русский народ, и великая бродила в нем песенная

хмель... Так вот, к песне поощрял меня и молодой кузнец, живший рядом с нами в Татарском дворе. Поощрял к песне и каретный мастер – сосед, в бричках и колясках которого, так сладко пахнувших кожей и скипидаром, я не раз проводил летние ночи, засыпая с песней. Поощрял меня к песне и другой сосед – скорняк, вознаграждая меня пятаком за усердную мою возню с его ласковыми и мягкими шкурками».

В атмосфере русского быта лежат истоки художественной судьбы Шаяпина – любви к природе, к народной песне, к простым людям, в живой причастности своей к нелегким их судьбам.

Глава 4

Открытие Театра

Казань конца XIX века – один из самых театральных городов на Волге. Тон задавали студенты университета – публика требовательная, не терпевшая фальши, ремесленничества на сцене. Актриса О. В. Арди-Светлова вспоминала: студенты в Казанском театре – это «и судьи, и исполнительная власть». «Театры были потребностью жизни, – писал друг Шалапина художник К. А. Коровин. – Федор Иванович Шалапин... провел свою юность в Казани, в Суконной слободе, и сохранил в себе сердце с великой любовью к искусству. Не потому ли, что у нас в каждом городе был театр? Не будь его – не было бы Шалапина. И остался бы он типом Суконной слободы».

В Казанском театре многие годы держал антрепризу Петр Михайлович Медведев (1837—1906) – потомственный актер, двоюродный брат известной актрисы Малого театра Надежды Михайловны Медведевой, человек высокой культуры, отличавшийся от большинства провинциальных антрепренеров художественным вкусом, серьезным отношением к сценическому искусству. Известный столичный критик А. Р. Кугель назвал П. М. Медведева «собирателем русского актера»: в его провинциальных антрепризах начинали впоследствии прославленные мастера столичной сцены – В. Н. Давыдов, М. Г. Савина, П. А. Стрепетова...

Как-то один из приятелей Федора предложил ему пойти в театр на дневной спектакль. Изумленно разглядывал подросток огромный зал, стоя в последнем ряду галерки. Как рассказывает С. В. Гольцман, внешне театр не представлял интереса, но внутренняя отделка позволяла ему свободно конкурировать с лучшими российскими провинциальными театрами той поры – варшавским и одесским. Пятирусный зал с прекрасной акустикой вмещал более тысячи зрителей. Поражала красота главного театрального занавеса художника М. И. Бочарова. В спокойных, мягких тонах изображался пролог поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» – «У лукоморья дуб зеленый...». Русалка, Баба-яга со ступой, Кощей над золотом и великий русский поэт под сенью раскидистого дуба рядом с рассказчиком-котом, а слева, на втором плане, – «тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных и с ними дядька их морской».

...Шумела публика, пахло газом: театр освещался газовыми светильниками. Но вот вышел к пульту дирижер, грянул оркестр и началась «Русская свадьба в исходе XVI века» П. П. Сухонина, зрелище, насыщенное музыкой, танцами, пением и обрядовыми сценами. Спектакль закончился, публика долго вызывала артистов. Наконец опустили занавес, а Федор, зачарованный увиденным, не мог найти в себе силы покинуть зал. Театр открыл Федору удивительную возможность преображения, приобщения к жизни других людей. Домой идти не хотелось. Побродив по городу, Федор вернулся и купил билет на вечерний спектакль. Чудесный и необычный мир открылся перед подростком!

«Русская свадьба» ставилась в Казани в 1883 году силами Первого Товарищества русских актеров во главе с артистами М. И. Писаревым (1844—1905) и В. Н. Андреевым-Бурлаком (1843—1888). В труппе служил и будущий писатель В. А. Гиляровский (1853—1935), выступавший под псевдонимом В. Сологуб. Вечером того же памятного Федору дня на сцене состоялся бенефис М. И. Писарева в роли Русакова в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись», а после его окончания «любимец публики» В. Н. Андреев-Бурлак читал отрывки из гоголевских «Записок сумасшедшего» и рассказы собственного сочинения.

Теперь Шалапин не пропускал выступлений Андреева-Бурлака, он запомнил с голоса некоторые его устные рассказы и впоследствии даже читал их с эстрады. Жизнь актера скоропостижно оборвалась в Казани, куда он приехал на свои традиционные гастроли в 1888 году. Весь город вышел проводить любимого артиста. Шалапин участвовал в отпевании Владимира

Николаевича в Воскресенской церкви, оттуда траурная процессия двинулась к университету, к городскому театру и Панаевскому саду (здесь часто выступал артист), а затем на Арское кладбище.

Вспоминая о театре в Казани, Шаяпин называет «Медею» – драму А. С. Суворина и Н. Е. Буренина, популярную в те годы переделку трагедии Еврипида, восторженно говорит об исполнителях главных ролей Н. В. Пальчиковой и М. К. Стрельском. Правда, исследователи уточняют: первоначально Федор видел в роли Медеи другую актрису, А. Я. Романовскую, любимицу поволжской студенческой молодежи, прозванную почитателями ее таланта «саратовской богородицей». «Я смотрел на сцену, где светила взятая с неба луна, страдала Медея, убегая с детьми, метался красавец Язон... Театр свел меня с ума, сделал почти невменяемым. Возвращаясь домой по пустынным улицам, видя, точно сквозь сон, как редкие фонари подмигивают друг другу, я останавливался на тротуарах, вспоминал великолепные речи авторов и декламировал, подражая мимике и жестам каждого».

Мастером сцены, в совершенстве владевшим пластикой, жестом, движением, интонацией считал Шаяпин Ивана Платоновича Киселевского (1839—1898). «Этот знаменитый актер гремел в конце прошлого века в ролях “благородных отцов” – вообще джентльменов. Я видел его на сцене в Казани, когда был еще мальчиком». Киселевский славился элегантностью, аристократическими манерами, с успехом играл Скалозуба, Кречинского, великолепно исполнял характерные роли. Режиссер П. И. Мельников считал, что от Киселевского Шаяпин «схватил благородную читку». Незадолго до смерти актера в 1897 году Шаяпин встретился с ним в Нижнем Новгороде – случайно оказались в одной гостинице – и с благодарностью рассказал ему о своих отроческих впечатлениях.

...Театр поразил Федора в самую душу! «Занавес опускался, а я все стоял, очарованный сном наяву, сном, которого никогда не видел, но всегда ждал его, жду и по сей день. Люди кричали, толкали меня, уходили и снова возвращались, а я стоял. И когда спектакль кончился, стали гасить огонь, мне стало грустно. Не верилось, что жизнь прекратилась».

Новым удивительным откровением стали для Федора оперные спектакли. Артисты не только красочно воссоздавали богатую невероятными приключениями жизнь своих героев: объяснялись в любви, страдали, жаждали отмщения, торжествовали победу, трагически погибали, но еще и пели под музыку большого оркестра! Федору стало «тесно» на галерке, его душа рвалась из зала на сцену, он хотел сам стать участником захватывающего волшебного действия. И это, казалось бы, невыполнимое желание вдруг стало возможным: для массовых сцен театру срочно понадобились статисты. Высокого нескладного парня с горящими глазами обрядили в темный костюм, вымазали лицо жженой пробкой и даже обещали за работу пятак. По команде ведущего спектакль актера массовка выбегала на сцену, кричала «ура!» в честь Васко да Гамы, и едва ли не искреннее и восторженнее других радовался прибытию португальского мореплавателя Федор Шаяпин. Это была опера Дж. Мейербера «Африканка».

Тогда же Федор впервые услышал «Фауста» Ш. Гуно. Звезды оперной труппы – бас С. К. Ильяшевич (1854—1899) – Мефистофель и тенор Ю. Ф. Закржевский (1852—1915) – Фауст поражали публику артистизмом, одухотворенностью, «горячностью и нервностью в пении, умением быть разнообразным в каждой роли, мастерством в создании типов». Закржевский – превосходный Элеазар в опере Ф. Галеви «Жидовка», Рауль в «Гугенотах» Дж. Мейербера. Федор совершенно пленен певцом, стоя за кулисами в ожидании массовых сцен, он, не отрываясь, следил за каждым движением артиста.

Когда в 1912 году Шаяпин приедет в Казань собирать материалы для автобиографии, он увидится с Закржевским, к тому времени сильно постаревшим и почти забытым. На нищенскую жизнь свою он зарабатывал случайными уроками. «Я имел грустную честь помочь ему немножко и видел на его глазах слезы обиды и благодарности, слезы гнева и бессилия. Это была тяжелая встреча. Пропал голос, и нет человека, он всеми забыт, заброшен...» Встреча

потрясла Шаяпина. С той поры риск потерять голос преследовал и пугал его. В памяти возник забытый публикой кумир – Закржевский.

Несмотря на свои театральные увлечения, Федор в 1885 году с похвальным листом окончил училище, и отец определил его писцом в ссудную кассу. Видимо, это было непросто и предполагался серьезный срок, в течение которого работа не оплачивалась. С. В. Гольцман обнаружил в архиве Казанской управы следующий документ, написанный аккуратным детским почерком:

«Его Высокоблагородию г. Председателю
Казанской Уездной Земской Управы
крестьянского сына Федора Ивановича Шаяпина
Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Высококородие принять меня в канцелярию Управы без вознаграждения за труды.

Июня дня 1886 г.

Крестьянский сын Федор Шаяпин».

На службу Федор приходил с отцом, хорошо зарекомендовал себя, но только спустя полгода в земском журнале появилась запись: «...определить для постоянных занятий в канцелярии в помощь двум писцам, сил которых недостаточно, мальчика Шаяпина, занимавшегося уже в управе бесплатно с 20 июня, определив ему жалованье по десять рублей в месяц».

Но большой радости это вознаграждение Федору не доставило. Он ждал новых театральных впечатлений, и спектакли приехавшей в Самару опереточной труппы настолько захватили его, что отец отправил сына подальше от «искушений» в город Арск – учиться столярному и переплетному ремеслу. Однажды Федор решил пешком уйти домой, но его догнали и жестоко наказали. Только из-за болезни матери отец разрешил Федору вернуться в Казань. Его снова посадили за стол земской управы, однако о театре Федор не забывал – душа его стремилась на сцену!

...В 1887 году в Панаевском саду шли непритязательные спектакли для казанской детворы. Старый актер Владимиров (настоящее имя Я. Г. Чистяков) подобрал для Федора роль жандарма Роже во французской мелодраме «Бродяги». В зеленом мундире с красными эполетами, клеенчатых ботфортах, лосинах и треуголке Федор вышел к публике, внезапно оцепенел и молча стоял до тех пор, пока не дали занавес. Разъяренный антрепренер пинками выгнал незадачливого дебютанта из сада...

– Отец и то все говорит, что ты ничего не делаешь, – сетовала мать. – Я тебя, конечно, прикрываю, а ведь правда, что бездельник ты!

И действительно, ни сапожника, ни токаря из Федора не вышло. А все театр виноват!

В 1888 году отца уволили со службы: ухудшилось зрение, он стал часто делать ошибки в документах, ссорился с начальством, пил. Федор становится кормильцем семьи, но конторское дело отвращало его, и летом он поступает статистом в труппу В. Б. Серебрякова с жалованьем 15 рублей в месяц. Это была первая «штатная» должность Федора в театре. Тогда же ему удалось спеть первое соло – маленькую партию Зарецкого в «Евгении Онегине», сбор от спектакля шел, однако, в пользу нуждающихся студентов Казанского университета.

Успеть и в управу, и в театр сложно. Федор часто манкировал службой, ссылаясь на головную боль; окончилось это печально: из управы его уволили. Не удержался он и в судебной палате. Как-то взяв работу на дом, он по дороге засмотрелся на книжки в лавке букиниста и с ужасом заметил, что потерял сверток с документами. Федор с позором изгнан со службы. Другой работы не предвиделось. Тогда-то в семье и возникла мысль уехать из Казани куда-нибудь на юг, где жизнь, как казалось, теплее и благополучнее. Так Шаяпины оказались на верхней

палубе парохода товаро-пассажирской линии А. А. Зевеке и поплыли вниз по матушке-Волге – в Астрахань...

В этом неторопливом путешествии, длившемся несколько летних теплых дней, Федор увидел Волгу во всей ее удивительной природной красоте и величии. Он даже не спал по ночам, боясь пропустить то, «что необходимо видеть».

Астрахань встретила Шаляпиных нуждой и голодом. Поселились в грязной тесной хибарке. Мать поначалу пекла пироги на продажу, потом мыла посуду на пароходах – тогда дома появлялись кухонные обеды; ими можно было как-то прокормить мужа, Федора и маленького Василия – младший брат родился в 1884 году. Иногда Федору удавалось спеть в церкви, и тогда он приносил домой рубль-полтора – в 16 лет у него стал «прорезываться» баритон. А в саду, в антрепризе Черкасова, ставили «Кармен» и другие оперы. Федор пел в них бесплатно. Когда отец узнал о столь «невыгодных» условиях, он в гневе разорвал ноты.

– Ты, Скважина, зачем вытащил нас сюда, чтобы с голоду умирать? – кричал он. – Тебе, дьяволу, кроме театров, ничего не надо – я знаю! Будь прокляты они, театры...

Быть может, память артиста сохранила этот эпизод, чтобы легче было объяснить себе и читателям окончательный разрыв с семьей. Позднее в книге «Маска и душа» Шаляпин открыто признался: «Материальные лишения не мешали мне быть весьма счастливым. В сильной груди рокотал молодой бас, на свете были песни, и предо мною, как далекая мечта, соблазнительно расстилался в небе млечный путь театра».

Глава 5

Актерское братство

Федор решил махнуть в Нижний Новгород: там же ярмарка, масса зрелищ и можно подзаработать рассказчиком на садовой эстраде! Федор нанимается крючником на идущий вверх по Волге буксир с караваном барж, катает арбузы, таскает пятипудовые мешки с мукой. Грузчики посмеивались: «Привыкай кости ломать!»

Этот эпизод шаляпинской биографии впоследствии даст журналистам основание для легенды о «бурлацком прошлом» певца.

...Пароход причалил в Казани. Встреча с друзьями, веселое застолье в трактире заслонили мечту о Нижнем Новгороде. Отплытие парохода Федор проспал, так и остался на палубе его нехитрый багаж: любимая книга – стихи П. Ж. Беранже в переводе В. С. Курочкина, ноты – «трио» «Христос воскресе», сочинение юного Шаляпина... Пришлось снова встать за ненавистную конторку в Духовной консистории – платили по восемь копеек за страницу, на еду хватало. Так прошло полтора месяца, а вечером спешил Федор в Панаевский сад: там и увидел его молодой режиссер Николай Николаевич Боголюбов (1870—1951): «Этот несуразный на первый взгляд парень с его мешковатой, как у молодого жеребенка, фигурой был по-настоящему влюблен в театр или, вернее сказать, рожден для театра. Исполнял ли Федя роль безмолвного палача в сердцещипательной мелодраме, или сурового опричника в свите Иоанна Грозного, или старого лакея с баками, который передавал посмертное письмо самоубийцы женщине, изменившей ему, – во всем через этого безмолвного “статиста” звучало великое искусство театра»...

Наступил 1890 год. В феврале Шаляпину исполнилось 17 лет. Вечерами в Панаевском саду играла опереточная труппа. Знакомый хорист посоветовал Федору:

– Семенов-Самарский набирает хор для Уфы: просись!

Мелодии «Нищего студента» и «Корневильских колоколов» Федор знает наизусть и, набравшись храбрости, идет пробоваться в хор.

– Сколько вам лет? – спросил Самарский.

– Девятнадцать. (Молодой человек прибавил себе два года.)

– А какой голос?

– Первый бас.

– Знаете, я не могу платить вам жалованье, которое получает хорист с репертуаром.

– Мне не надо... Я без жалованья... Мне нужно столько, чтоб как-нибудь прожить, не очень голодая...

Самарский ухмыльнулся и положил хористу скромное вознаграждение – 20 рублей в месяц. Это сколько же страниц нужно было бы переписать каллиграфическим почерком, скрючившись над столом в Духовной консистории!

Семен Яковлевич Семенов-Самарский (1840—1911) – любимец публики. Вальяжный и обаятельный артист, прогуливающийся по волжской набережной, всегда окружен восторженными поклонницами. «Это был интересный мужчина с черными нафабранными усами, – вспоминал Шаляпин. – Ходил он в цилиндре, с тросточкой, в цветных перчатках. У него были “роковые” глаза и манеры заядлого барина. На сцене он держался как рыба в воде...»

Антрепренером же Самарский – он держал труппу вместе с неким В. А. Перовским – оказался не слишком удачливым, но в молодом Шаляпине он проницательно увидел талантливого артиста и энергично поддержал его. Шаляпин тоже не забыл Самарского. Через 20 лет, в 1911 году, в письме издателю газеты «Новое время» и владельцу петербургского Малого театра А. С. Суворину Шаляпин протезировал Семенова-Самарского в труппу театра: «Он,

право, недурной актер, а Ваше внимание согреет в душе его сознание послужить искренне и искусству, и Вам».

Быть может, Семенов-Самарский и не вспомнил бы о своем широком жесте, да и вообще об этой встрече, но через 20 лет имя хориста будет греметь по всему миру. И тогда «первый импресарио», как назовет его Шаляпин, выступит в «Петербургской газете» с воспоминаниями:

«В один прекрасный день утром кто-то постучался в мою дверь в Волжско-Камских номерах. Вошел молодой человек, застенчивый, неуклюжий, длинный, очень плохо одетый – чуть ли не на босу ногу сапоги, в калошах... Хор у меня был уже сформирован, для Уфы он был даже слишком велик – человек около восемнадцати. Но Шаляпин произвел на меня удивительное впечатление своею искренностью и необыкновенным желанием, прямо горением, быть на сцене. Я... дал ему тут же лежавший у меня билет на проезд на пароходе Ефимова. Когда он получил этот билет, казалось, что в ту минуту не было на свете человека счастливее Шаляпина...»

Видимо, выданного аванса Федору надолго не хватило. Семенов-Самарский припомнил, что по приезде в Уфу юноша явился в гостиницу и прожил в его номере неделю, получая от своего щедрого благодетеля по пятаку в день. К завтраку Федор покупал сайку и пил чай в обществе Самарского. По версии самого Шаляпина, в Уфе он снял комнату вместе с хористом Яковом Нейбергом, знакомым еще по Казани...

Гастроли труппы Семенова-Самарского открывались 26 сентября 1890 года комической оперой итальянского композитора Антонио Замара «Певец из Палермо». Спустя много лет Шаляпин вспоминал, с какой радостью рассматривал он и примерял сценическое одеяние и перечитывал свою фамилию на афише: «Я надел испанский костюм. Впервые в жизни я надел трико... Я был как во сне...» Афишу первого спектакля певец хранил в своем архиве, но в числе участников спектакля он не упомянут. Видимо, фамилия Шаляпина появится в афише 9 октября, когда он исполнит маленькую партию контрабандиста Пьеро в оперетте К. Миллэкера «Гаспарон, морской разбойник».

Приходил первый опыт: «Через месяц я уже мог стоять на сцене, как хотел. Ноги не тряслись, и на душе было спокойно. Мне уже начали давать маленькие роли в два-три слова».

На Святках было решено ставить оперу «Галька» С. Монюшко.

Непредсказуемое актерское везение! Дирижер А. С. Апрельский выгнал с репетиции исполнителя партии Стольника – отца Гальки. Ее пел сценариус труппы, человек капризный, вздорный, знал: заменить его некем. Банальный шантаж! Надеясь на дополнительное вознаграждение, он демонстративно отказался от роли: формально по контракту он должен выступать только в опереттах, а не в операх. Спектакль оказался под угрозой. И тогда Семенов-Самарский поручил партию Шаляпину.

Федор выучил роль за день. Он пришел в театр за три часа до начала спектакля, загримировался под старика, примерил толщину, но объемный живот не сочетался с худыми руками и ногами... Было от чего прийти в отчаяние! И в голове завертелась мысль: а что, если сейчас вот, не говоря никому ни слова, удрать в Казань?

Будто в ответ на эти лукавые мысли Федор услышал голос Семенова-Самарского:

– Бояться не надо. Веселей! Все сойдет отлично!

Длинный, нескладный юноша не был похож на вальяжного польского магната. Руки и ноги плохо слушались певца. Сосредоточенно следил он за палочкой дирижера и старательно выпевал:

Ах, друзья, какое счастье!
Я теряюсь, я не смею,
Выразить вам не сумею

Благодарность за участие.

Послышались аплодисменты, Федор даже не понял, что они адресованы ему. Очнулся он после грозного шипения дирижера:

– Кланяйся, черт! Кланяйся!

И вот тут-то случилось непредвиденное! После поклонов Федор попятился, отошел в глубину сцены, чтобы сесть в кресло, но, на беду, один из хористов отодвинул его в сторону, и чинный Стольник свалился на пол под громовой хохот публики, однако сопровождаемый новой волной радостных аплодисментов!

Уже на склоне лет Шаляпин писал: «...я до сих пор суеверно думаю: хороший признак – новичку в первом спектакле при публике сесть мимо стула...»

Вскоре примадонна театра Н. Террачиано предложила Федору участвовать в ее бенефисном спектакле «Трубадур» в партии Феррандо. Успех и здесь сопутствовал певцу, и он получил прибавку к жалованью.

– Пять рублей – деньги не лишние, – подкрепил щедрый жест антрепренер.

Службу у Семенова-Самарского Шаляпин вспоминал с радостью. Труппа жила дружно, репетировали по ночам. И артисты, и рабочие сцены относились к юноше с доброй симпатией. «Это был единственный сезон в моей жизни, когда я не видел, не чувствовал зависти ко мне и даже не подозревал, что она существует».

На радостях Федор фотографируется и дарит карточки товарищам. Михаил Жилин, ведущий актер труппы, получает портрет Федора с припиской: «От почитателя его бывшего сослуживца в г. Уфе в сезон 1890/91 г. Федора Ивановича Шаляпина на память. Февраль 19-го 1891 года». Через четверть века Федор Иванович придет в Петербургское убежище престарелых артистов и узнает в глубоком старике своего партнера. Там же Шаляпин сфотографируется с ветеранами театра. Федор Иванович сидит в кресле, в центре, Михаил Михайлович Жилин стоит позади, положив руки на плечи Шаляпину. Снимок хранится в архиве певца, его рукой сделана надпись: «Комик Жилин служил у Сем<енова> Сам<арского> со мной в Уфе».

...Молодой Шаляпин относится к своему ремеслу вдохновенно и восторженно: «Я так любил театр, что работал за всех с одинаковым наслаждением: наливал керосин в лампы, чистил стекла, подметал сцену, лазил на колосниках, устанавливал декорации. Семенов-Самарский тоже был доволен мною».

– Вы, Шаляпин, были очень полезным членом труппы, и мне хотелось бы поблагодарить вас. Поэтому я хочу предложить вам бенефис.

В роли Неизвестного в «Аскольдовой могиле» А. Верстовского – в этой партии выступал обычно сам Семенов-Самарский. Федор приклеил к лицу черную бороду, подпоясался широким красным кушаком и вышел на сцену, согласно роли, с веслом наперевес. Выход начинался монологом, Шаляпин, как природный волжанин, сильно «окал». Зал насторожился. Но когда Федор запел «В старину живали деды...», публика простила ему «местный диалект», раздались аплодисменты. Как и положено, бенефицианту «отчислилось от сбора» 30 рублей; сверх того кто-то из публики преподнес молодому артисту еще полсотни и серебряные часы. «Я стал богатым человеком. Никогда у меня не было такой кучи денег. Успех в Уфе окончательно укрепил во мне решение посвятить себя театру».

Выбор был сделан!

Шаляпин пробует себя в разных качествах. Он выступает с «устными рассказами» в концерте, который устраивает в театре заезжий фокусник. Друг певца Иван Петрович Пеняев (Бекханов) вспоминал: «На нем был мой пиджак, который я ему дал, видя, что его порыжелый пиджак для чтения в “концертах”, хотя бы и таких, не совсем удобен. Пиджак этот был так тесен и короток, что являл собою живое подобие тришкина кафтана, и вся фигура Шаляпина производила весьма комическое впечатление. Наконец, Федор Иванович начал читать стихо-

творение, но на середине его он вдруг остановился, помолчал и смущенно заявил: “Забыл” и, махнув рукой на публику, медленной и тяжелою поступью удалился за кулисы. Такой комический уход вызвал бурю аплодисментов, и Федору Ивановичу пришлось бисировать. На бис он начал читать известный бурлаковский (В. Н. Андреева-Бурлака. – В. Д.) рассказ про “Ветлянскую чуму”, но и тут неудача преследовала бедного чтеца. Как ни старался Шаяпин довести рассказ до конца, ему это не удавалось, и он несколько раз, не зная, как кончить, начинал снова. Вторично махнул безнадежно рукой и с благодушной улыбкой удалился со сцены. Снова раздались аплодисменты и крики “бис”. В заключение Шаяпин довольно порядочно рассказал о том, “как генеральский петух ухаживал за капитанской курицей”. Получив условленный “солидный куш” – 30 копеек! – Шаяпин повел присутствующих хористов угощать на свой первый “гастрольный гонорар”».

С Иваном Пеняевым-Бекхановым (?—1929) Федор дружил много лет. С фотографии, подаренной Шаяпину, смотрит плотный, круглощекий молодой человек в клетчатом пиджаке. «Начинающему от начинающего артиста Ваньки Пеняева на память Феде Шаяпину. Старый друг лучше новых двух. 9 марта 1891 г. г. Уфа», – гласит надпись на фото.

«Очень хорошо относился ко мне Пеняев, – вспоминает Шаяпин в «Страницах из моей жизни». – Стояла зима, но я гулял в пиджаке, покрываясь шалью как пледом. Пеняев подарил мне пальто. Оно было несколько коротким, но хорошо застегивалось – его хозяин был толще меня».

Пеняев называл Федора Геннадием Демьяновичем – по имени персонажа пьесы А. Н. Островского «Лес», бродячего провинциального трагика Несчастливцева. Шаяпин гордился этим прозвищем: оно льстило его артистическому самолюбию.

Между тем дела в труппе Семенова-Самарского шли неважно. Исчерпав свой опереточный репертуар, артисты поставили «Ревизора», Пеняев играл Городничего, Семенов-Самарский – Хлестакова, Жилин – Осипа. Шаяпину досталась роль Держиморды. В качестве прощального бенефиса всей труппы показали комическую оперу К. Миллэкера «Бедный Ионафан»: Бростелоне пел Шаяпин, а заглавную партию – Пеняев.

Вместе с новыми товарищами Федор направляется в Златоуст – это была первая поездка Шаяпина по железной дороге. Артисты выступали с концертом. Один из «гвоздевых» номеров программы – сцена из оперетты Ж. Оффенбаха «Синяя борода». Выяснилось, однако, что главный отличительный атрибут роли, которую исполнял Семенов-Самарский, – борода – в суете забыта в Уфе. Шаяпин тут же срезал клоч своих длинных волос и самолично выкрасил его в синий цвет. Самарский не остался в долгу, дал Шаяпину для выступления в концерте свой фрак и посоветовал завить оставшиеся волосы. Фрак, конечно, не по фигуре, в публике с появлением Шаяпина раздался смех, но после арии Сусанина «Чуют правду» послышались одобрительные хлопки, а ария Руслана и романсы П. Козлова окончательно расположили публику...

Далее пути Федора и труппы Семенова-Самарского расходились. Шаяпин вернулся в Уфу. «Я почувствовал себя одиноко и грустно, как на кладбище. Театр стоял пустой. Никого из актеров не было, и весь город создавал впечатление каких-то вековых буден. Жил я на хлебах у прачки, в большом доме, прилепившемся на крутом обрыве реки Белой. Деньги быстро таяли. Надо было искать работу».

Что же представляла собой Уфа конца XIX века? Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854—1933), врач, литератор, близко знавший Толстого, Чехова, Короленко, Горького, сосланный в Уфу за близость к народовольцам, вспоминал: «Из маленьких домиков плыла музыка в тихие улицы. Я дивился, когда в скромненькой квартире чиновника, приказчика, служащего встречал рояль или пианино, скрипку и узнавал, что дети людей, живущих на 50—60 рублей в месяц, берут систематические уроки музыки. Были кружки, где музыка являлась серьезным содержанием жизни. В один из таких кружков я попал вскоре по приезду и начал получать приглаше-

ния на квартеты – квартеты, которые сделали бы честь и столице. Местный чиновник Савостьянов, как рассказывали мне, долго играл первую скрипку в оркестре московского Большого театра и, когда уходил из него, чтобы переселиться в Уфу, получил от московского общества чудесную редкостную скрипку».

Дочь Савостьянова окончила Петербургскую консерваторию певицей и пианисткой, она давала уроки и с учениками в местном собрании выступала в концертах и даже ставила оперные спектакли.

В Уфе Шаяпин встретил людей, которые серьезно и уважительно отнеслись к его житейской и творческой судьбе. Художественная жизнь города интенсивно поддерживалась любителями искусства. В их круг входили сестры Мария Яковлевна и Елена Яковлевна Барсовы, адвокат Л. В. Рындзюнский, музыканты-инструменталисты М. Д. Брудинский, профессиональный музыкант Дмитрий Николаевич Савостьянов: в недавнем прошлом он занимал место за пультом первых скрипок в московском Большом театре, а его дочь Варвара Дмитриевна Паршина, ученица Антона Григорьевича Рубинштейна, часто выступала перед уфимской публикой с фортепианными программами, сама комментировала исполняемые произведения, возглавляла правление Музыкального общества. Организаторская энергия и просветительский талант Паршиной сочетались с тонким вкусом, интуицией, умением находить талантливых людей и вдохновлять их на творчество.

Варвара Дмитриевна предложила Федору профессионально заняться постановкой его голоса, она призвала любителей-музыкантов финансировать обучение Шаяпина в столице. Подобный прецедент в Уфе уже был: в Московскую консерваторию поступила ученица Паршиной Елена Барсова, и в 1891 году состоится ее дебют в Большом театре в партии Марселины в опере Л. Бетховена «Фиделио». Елена Барсова вскоре приобретет известность под фамилией Цветкова (1872—1929), а в 1896 году будет партнершей Шаяпина во многих спектаклях Частной оперы Мамонтова.

Друзья и покровители Федора подыскивали ему должность писца в Уфимской губернской управе – прекрасный почерк не раз спасал его в трудные времена! Жалованье небольшое – 25 рублей, но еще удавалось подработать певчим в хоре Ильинской церкви. Однако Шаяпин посещал занятия Паршиной от случая к случаю и к идее консерваторского обучения отнесся скептически – он хочет играть в театре сегодня!

В конце мая в Уфе в летнем саду выступает малороссийская труппа Г. И. Любимова-Деркача. Федор легко сошелся с артистами, голос его Деркачу понравился, и он предложил 40 рублей в месяц. Покинуть Уфу Федору мешал стыд перед приютившими его музыкантами. Он остался, но... ненадолго.

В пьесе А. Н. Островского «Лес» бродячий комик Аркашка Счастливец угнетен своим пребыванием в доме богатой помещицы Гурмыжской. «А не удавиться ли мне?» – преследует его «внутренний голос». «И однажды ночью, как Аркашка Счастливец в “Лесе”, я тайно убежал из Уфы», – вспоминал Шаяпин.

Федор обрек себя на рискованные странствия, а проще говоря – на бродяжничество. Он догоняет труппу Деркача уже в Самаре, но теперь вместо обещанных 40 рублей ему дают только 25. Делать нечего. Взяв пять рублей аванса, Федор идет на поиски родителей и брата: из Астрахани семья к тому времени тоже перебралась в Самару. Постаревший отец встретил сына усталым равнодушием.

– А мы плохо живем, плохо!.. – сказал он, глядя в сторону. – Службы нет...

Вошла мать, радостно поздоровалась и, застыдившись, спрятала котомку в угол.

– Да, – сказал отец, – мать-то по миру ходит.

Это была последняя встреча Федора с матерью. Через четыре месяца она скончалась в больнице от брюшного тифа...

С малороссийской труппой Шаяпин отправляется в Бузулук, потом в Оренбург и Уральск. Ехали на телегах, ночевали в степи, подкреплялись краденными с бахчей арбузами. В Уральске труппа участвует в концерте по случаю трехсотлетия казачьего войска. На празднике присутствует цесаревич – будущий император Николай II. (Вряд ли Федор мог тогда предположить, что через десять с небольшим лет он будет вести с императором светскую беседу в ложе Большого театра.) Шаяпин запекает украинские песни «Ой, у лузи», «Куковала та сиза зозуля». В награду от наследника престола хор получил по два целковых на брата...

Шаяпин быстро овладел украинской «мовою», ему стали поручать небольшие роли, в «Наталке Полтавке» он спел партию Петра. Труппа двинулась дальше, на юг, нигде не задерживаясь подолгу. Менялись пейзажи, селения: Петровск (Махачкала) на Каспийском море, Темир-Хан-Шура (Буйнакск), Узуль-Ада... К осени добрались до Ашхабада.

Спустя много лет Шаяпин вспоминал свой «малороссийский период» как бесконечное мытарство, голод, унижения. Самодуром и эксплуататором выглядит в «Страницах из моей жизни» Г. И. Деркач. Один из эпизодов тех лет певец потом часто рассказывал: в вагоне поезда по пути в Чарджуу Шаяпин жевал хлеб с колбасой и чесноком, запах не понравился Деркачу:

– Выброси в окно чертову колбасу. Она воняет!

– Зачем бросать? Я лучше съем.

Деркач рассвирепел:

– Как ты смеешь при мне есть это вонючее?

«Я ответил ему что-то вроде того, что ему, человеку первого класса, нет дела до того, чем питаются в третьем. Он одичал еще более. Поезд как раз в это время подошел к станции, и Деркач вытолкнул меня из вагона. Что мне делать? Поезд свистнул и ушел, а я остался на перроне среди каких-то инородных людей в халатах и чалмах. Эти чернобородые люди смотрели на меня вовсе не ласково. Сгоряча я решил идти вслед за поездом. Денег у меня не было ни гроша... Я чувствовал себя нехорошо: эдаким несчастным Робинзоном до его встречи с Пятницей. Кое-как добравшись до станции, я зайцем сел в поезд, доехал до Чарджуя и, найдя там труппу, присоединился к ней. Деркач сделал вид, что не замечает меня. Я вел себя так, как будто ничего не случилось между нами».

Позже эмоциональный рассказ Шаяпина поразил Горького. В письме литератору В. А. Поссе (октябрь 1901 года) он писал о Шаяпине: «...чуть его души коснется искра идеи – он вспыхивает огнем желания расплатиться с теми, которые вышвыривали его из вагона среди пустыни...»

Вряд ли Шаяпин был столь одержим идеей возмездия, реванша, скорее сам Горький с его обостренным социальным темпераментом так остро воспринял рассказ певца. К тому же и Георгий Иосифович Любимов-Деркач (1846—1900), несмотря на его показную свирепость – а как еще можно сдерживать богемные страсти бродячей труппы? – знал толк в театре, умело вел антрепризу, ценил талантливых и преданных делу актеров. Газеты писали о прекрасном хоре малороссийской труппы, отлично сыгранном оркестре, сильных солистах.

В Самарканде фамилия Федора, правда с опечаткой, попадает на страницы газеты «Украина»: «Молодой и хороший голос г-на Шаяпина заставил позабыть его не особенное умение держаться на сцене».

Работа у Деркача – неплохая школа для начинающего певца, хотя назвать ее легкой нельзя: едва ли не каждый день новый спектакль, времени на репетиции почти не оставалось. Приходилось рассчитывать на собственную наблюдательность, интуицию, смекалку и находчивость. Этими качествами Федор, несомненно, овладевал. Деркач оценил его природную одаренность, стал поручать ему новые партии и даже увеличил жалованье до некогда обещанных 40 рублей. Певца О. В. Арди-Светлова впоследствии вспоминала: «Деркач прекрасно разбирался в своем деле и очень любил хорошие голоса в хоре... Голос Шаяпина резко выделялся своей красотой и мощью. Уже скоро он начал петь ответственные партии – Султана в “Запо-

рожце за Дунаем”, Петра в “Наталке Полтавке”, а в дивертисменте – арию Сусанина “Чуют правду”. В то время он был простой, задушевный, и каждый помогал ему чем только мог».

Положение Федора в труппе укрепилось, Деркач «дал ему ход» и даже начал строить репертуар «на Шаяпина». Однако когда в Баку Федор встретил во французской оперетте Е. Лассалья старых друзей и Семенова-Самарского, то, поддавшись настроению, присоединился к ним. Деркач, разумеется, рассвирепел и, как часто поступали провинциальные антрепренеры, отказался вернуть Федору паспорт. Но и это обстоятельство не остановило импульсивного юношу. В самом деле, чем не поступишься ради славного дружества, доброй компании! Мягкий и приветливый Самарский был ему милее требовательного Деркача, начинающий певец нуждался в отеческом покровительстве и, размягченный радостной встречей, весело запел в хоре французской оперетки, где, по его признанию, французов было человека три-четыре, а остальные евреи и земляки.

«Французы» ставили не только оперетки, но и оперы. Федору тут же поручили партию Жермона в «Травиате», и, как вспоминал актер М. А. Завадский, его участие было столь успешным, что повлияло на сборы. Радость, однако, оказалась преждевременной. Оперетка тифлисской публике вдруг наскучила, труппа развалилась, актеры разбрелись кто куда. «Подарком судьбы» для Федора стало теплое пальто, приобретенное в магазине готового платья «по записке» управляющего труппой Л. Л. Пальмского. Жизнь без денег, да еще и без паспорта, стала совсем унылой. Федор пристроился на пристань крючником, иногда подрабатывал в церковном хоре. Наступали холода, а пальто уже продано... Но судьба снова улыбнулась певцу: он нашел на улице ситцевый платок, в котором узлом были завязаны четыре двугривенных. Федор бросился в татарскую лавку, досыта поел, а за оставшиеся деньги уговорил железнодорожного кондуктора доехать до Тифлиса...

Грузинская столица гостеприимно встретила Шаяпина. Федор разыскал Семенова-Самарского, тот свел его с антрепренером Р. Ключаревым, у которого Самарский сам подвизался артистом. Бывший офицер пробовал себя в театральном деле и собирал оперную труппу. Стоял Великий пост, петь по-русски запрещалось, но опера называлась итальянской, хотя итальянцев в труппе было лишь двое: оркестрант-флейтист и хорист Понтэ, добрый знакомый Федора еще по Баку.

Батум, Кутаис, Елисаветполь... Федор пел почти каждый вечер, иногда подменяя заболевшего Семенова-Самарского. Репертуар Шаяпина ширился: Валентин в «Фаусте», Феррандо в «Трубадуре», кардинал Броньи в «Жидовке», Жорж Жермон в «Травиате», Сват в «Русалке»... Вроде бы трудности миновали, жалованье платили вполне приличное: 75 рублей. Но неисповедимы актерские судьбы! Легкомысленная супруга антрепренера Ключарева сбежала с молодым артистом, оскорбленный офицер оказался сражен женским коварством, горестно запил – труппа распалась.

Снова голод, ночевки в заброшенных сараях, случайные выступления на садовых эстрадах, нищета, отчаяние, мысли о самоубийстве. Федора, стоявшего в печальном раздумье у витрины оружейного магазина, окликнул знакомый голос. Понтэ! Он накормил изголодавшегося приятеля, приютил у себя...

Именно Тифлис Шаяпин назовет потом городом «чудодейственным» и часто будет говорить: «Я родился дважды: для жизни в Казани, для сцены – в Тифлисе».

Глава 6

Воздух Кавказа

Как причудливо подчас сплетаются пути и судьбы человеческие! В Казани, по дороге в Панаевский сад, Федор забежал перекусить в булочную Деренкова. Здесь в ту пору служил Алексей Пешков, возможно, они и перебрасывались случайными фразами. Теперь же и молодой Шалапин, и Горький в поисках пристанища бродят по улицам и переулкам Тифлиса. Их впечатления и жизненные увлечения похожи – обоих властно влечет театр. Горький читает рабочим железнодорожных мастерских трагедии Байрона и Шиллера, участвует в литературных вечерах в библиотеке В. Кайдаловой, хочет создать передвижную труппу, чтобы показывать спектакли в деревнях. Вероятно, Горький видел в Тифлисе «Разбойников» с участием известного актера В. С. Алекси-Месхишвили – он темпераментно играл Франца Моора.

12 сентября 1892 года в газете «Кавказ» опубликован рассказ Горького «Макар Чудра». «Я никогда не забываю, что именно в этом городе (Тифлисе. – *В. Д.*) сделал свой первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы дали мне толчок, который сделал из бродяги литератора», – признавался Горький.

В Грузии сумели и оценить дебютные успехи двадцатилетнего конторского писца, и одобрить первые литературные шаги 24-летнего мастерового. Для обоих это была пора накопления незабываемых жизненных впечатлений, встреч с удивительными людьми, раздумий о времени и жизни, о призвании, о будущем.

...А в летнем театре Немецкого сада между тем выступали молодые актеры-любители, к ним и прибился Шалапин. Они приняли живое участие в судьбе «бродячего комедианта», срочно устроили ему бенефис в «Наталке Полтавке». Среди любителей много служащих Закавказской железной дороги. Чтобы поддержать Федора, новые друзья нашли ему место конторщика в бухгалтерии – хороший почерк опять выручил Шалапина в трудную минуту! Помощник начальника дороги П. В. Корш, любитель музыки, почетный старшина Тифлисского музыкального кружка, обратил внимание на одаренного молодого человека, посоветовал серьезно учиться пению.

Ситуация напоминала Уфу; писарская работа тяготила Федора. И тут он получает приглашение в Казань – Семенов-Самарский рекомендует Шалапина в антрепризу В. А. Перовского. Дело кажется решенным: «Казанские вести» уже называют Шалапина в числе артистов труппы, Федору обещано неплохое жалованье — 100 рублей, 50 уже получены в качестве аванса. Казалось, отъезд предрешен. Но накануне Федор задумал все-таки зайти к Дмитрию Андреевичу Усатову, преподавателю пения Тифлисского музыкального кружка, весьма своеобразному человеку, о котором он много слышал от своих друзей-сослуживцев. Это импульсивное решение Федора оказалось поистине судьбоносным.

Выходец из крепостных графа Н. Д. Шереметева дворовый Дмитрий Усатов (1847—1913) чудесным образом, благодаря своему исключительному певческому таланту, «выбился в люди». В 1873 году (год рождения Шалапина!) Усатов окончил Петербургскую консерваторию по классу пения у известного профессора Камилло Эверарди. Через три десятилетия Эверарди восхищался пением Шалапина и, считая его в какой-то степени своим учеником, умиленно говорил ему: «Ти – моя внучка!»

Усатов хорошо знал трудный быт провинциального артиста: в 1873—1880 годах он выступал в различных оперных антрепризах, в том числе и в Казани, в труппе П. М. Медведева. Именно там, наряду с Ю. Ф. Закржевским, С. К. Ильяшевичем, Усатов в середине 1880-х годов приобрел известность, благодаря которой попал в Большой театр, стал первым исполнителем партии Ленского в «Евгении Онегине», выступил в ролях Андрея в «Мазепе», Вакулы

в «Черевичках» П. И. Чайковского. Композитор ценил талант Усатова, его красивый, выразительный, богатый красками голос и посвятил ему свой романс «Смерть» на стихи Д. Мережковского.

Покинув сцену, Усатов занялся вокальной педагогикой, иногда отваживался становиться за дирижерский пульт в Тифлисском музыкальном кружке. Здоровье любимой жены Усатова – Марии Петровны – не позволяло жить в Москве, семья обосновалась в Тифлисе. Здесь Дмитрий Андреевич стал уважаем и любим, его окружали друзья, поклонники, благодарные ученики. Усатова знал и Семенов-Самарский и даже как-то посоветовал Шаляпину пойти к нему в учение, но в ту пору Федор был отвлечен чем-то, как казалось ему, более существенным.

Встречу с Усатовым Шаляпин запомнил надолго. В дверях на него с визгливым лаем набросилась стая мопсов. Следом появился хозяин дома, «человечек низенького роста, круглый, с закрученными усами опереточного разбойника и досиня бритым лицом».

– Вам что угодно? – не очень ласково спросил он.

Федор смущенно объяснил.

– Ну что же, давайте покричим.

Усатов сел за рояль. Федор начал с арии Валентина из «Фауста».

На высокой ноте Усатов прервал его, пребольно ткнув в бок. По всей вероятности, опытный педагог задумался о певческих возможностях молодого человека. Федору показалось, что он уронил себя в глазах маэстро и шансов на успех нет, но на всякий случай спросил:

– Что же, можно мне учиться петь?

– Должно, – был категоричный ответ.

Тогда Федор обрисовал Усатову сложившуюся житейскую ситуацию: он поедет в Казань, заработает денег на учение и вернется в Тифлис.

– Бросьте все это, – отмахнулся Усатов. – Ничего вы не скопите! Да еще едва ли и заплатят вам. Знаю я эти дела! Оставайтесь здесь и учитесь у меня. Денег за ученье я не возьму с вас.

Усатов тут же отправил недоумевающего Федора с запиской к тифлисскому меценату и музыкальному деятелю Константину Николаевичу Алиханову, возглавлявшему Товарищество торговли аптечных складов. Тот назначил ученику Усатова стипендию – десять рублей в месяц. Впервые в жизни Федор мог не думать о ночлеге и хлебе насущном.

А как же Семенов-Самарский? Перовский? Шаляпин написал в Казань: внезапно захворал, приехать не могу. Это, конечно, нехорошо. Но певец утешал себя тем, что многие поступают гораздо хуже ради более низких целей.

В семье Усатова Федору на первых порах было тяжело и даже мучительно: он привык к богемно-босаяцкому свободному образу жизни, не утруждал себя «манерами», полагая их ненужной условностью.

– Шаляпин, не надо шмыгать носом во время обеда! Если вы будете есть с ножа, то разрежете себе рот до ушей! – одергивал ученика Усатов.

«Этот превосходный человек и учитель, – скажет в конце жизни Шаляпин, – сыграл в моей артистической карьере огромную роль. С этой встречи с Усатовым начинается моя сознательная художественная жизнь... Он пробудил во мне первые серьезные мысли о театре, научил чувствовать характер различных музыкальных произведений, утончил мой вкус и – что я в течение всей моей карьеры считал и до сих пор считаю самым драгоценным – наглядно обучил музыкальному восприятию и музыкальному выражению исполняемых пьес».

Конечно, строгие уроки «хорошего тона» били по самолюбию, но постепенно Федор научился вести себя «в приличном обществе». В подарок от Усатова он получил нижнее белье и носки, а потом и фрак, правда, слишком широкий в плечах и выглядевший коротким на его долговязкой фигуре. Но теперь Федору и самому стало очевидно: благодаря Усатову он попал в среду образованных и культурных людей. Молодые офицеры, студенты, чиновники не чва-

нились, не блюли «сословную дистанцию», относились к Шаяпину по-товарищески, на равных. Братья Корш – два студента и два гимназиста, сыновья уже упоминавшегося заместителя начальника Закавказской железной дороги, – ввели Федора в дом отца. Здесь Федору открылся незнакомый и непривычный мир «интеллигентного общения». Начинающие певцы М. Г. Измирова, А. Г. Рчеулов много способствовали образованию Федора, приносили книги, ноты, звали в оперу, на концерты, на драматические спектакли грузинской, армянской и русской труппы. Они «корректировали» и манеры Федора. По обоюдному согласию он получал предупреждение: кто-нибудь многозначительно щелкал портсигаром, если у Шаяпина вырывалось слишком «смелое» выражение или вдруг «выскакивал» сомнительного вкуса анекдот. Компания, без сомнения, отучала Федора и от «загулов», и от свойственной ему лихой развязности – приходилось считаться с присутствием в музыкальном кружке очаровательных интеллигентных барышень.

Все это было непривычно для Шаяпина, притягивало, волновало его, он жадно впитывал новые впечатления.

На фотографиях, снятых в Тифлисе, Шаяпин мало похож на артиста. «Это был длинноногий парень, худой, нескладный. На нем были косоворотка и какие-то немислимые брюки (которые он именовал “пьедалами”). На голове почему-то соломенная шляпа-канотье с черной ленточкой. Дно шляпы было оторвано, держалось сзади на одной ниточке, при ходьбе от ветра поднималось вверх. Немало мы смеялись по поводу этой необыкновенной шляпы», – рассказывала М. Г. Измирова. Но, слушая Шаяпина на концертах, друзья забывали о неуклюжести артиста – внимание приковывал его неповторимый голос, высокий бас редкого «бархатного» тембра, *basso cantante*.

Усатов точно определил диапазон голоса и научил Шаяпина пользоваться редким богатством обнаружившихся в нем вокальных красок. Он же познакомил Федора с композитором Генарием Осиповичем Коргановым (его «Элегия» на многие годы вошла в концертный репертуар певца), с режиссером И. С. Питовым, пианистом и педагогом А. В. Мизандари.

В Тифлисском музыкальном кружке – его еще называли «кружком Арцруни» по имени домовладельца – Шаяпину дали концертный дебют, и он вскоре стал участвовать не только в музыкальных, но и драматических вечерах: играл Разлюляева в комедии А. Н. Островского «Бедность не порок», Несчастливцева в «Лесе». Имя Шаяпина попадает в газетные отзывы и рецензии. В статье Василия Давидовича Корганова (1865—1934), известного пианиста и педагога, напечатанной в газете «Кавказ», Шаяпин сравнивался со знаменитым басом Мариинского театра Осипом Петровым.

Прошел год учебы. Для бенефисного концерта в сентябре 1893 года Усатов подготовил с Федором большую программу: партию Мельника из «Русалки», первый акт «Фауста», в котором Шаяпин пел Мефистофеля, несколько русских романсов. «Тифлисский листок» 10 сентября писал: «Голос бенефицианта... звучал превосходно, производя на зрителей приятное впечатление своей свежестью и мягкостью тонов при значительной силе и хорошей фразировке. Играет молодой артист неуверенно, порывисто, нервно, но держит себя на сцене достаточно свободно. Видевшие и слышавшие г. Шаяпина зимой были приятно поражены теми успехами, которые сделал он за это короткое время. Нет сомнения, что при дальнейшей его работе над своим голосом из г. Шаяпина выработается очень и очень недурной исполнитель оперных ролей; для этого он обладает всеми данными: звучным, сильным голосом, музыкальным ухом, хорошими задатками драматического таланта и, что всего важнее, молодостью».

И все же главным для Шаяпина стали в ту пору уроки Усатова. Дмитрий Андреевич – строгий наставник. Когда он не замечал у своего ученика должного усердия, то не стеснялся в средствах «педагогического воздействия». Федор иногда ленился учить партии наизусть, он ставил на пюпитр рояля раскрытые ноты, а сам, отойдя в сторону, скашивал глаза и читал

с листа. Усатов заметил это и однажды встал между нотами и певцом. Федор замолчал. Дмитрий Андреевич сильно разгневался, схватил трость и поколотил нерадивого ученика:

– Лодырь, лодырь, ничего не делаешь!

Усатов открыл Шаяпину творчество Мусоргского, с его сочинениями певец в дальнейшем связал свою артистическую судьбу. В «Сцене в корчме» из «Бориса Годунова», поставленной любителями, Федор исполнял партию пристава. «И вот, когда Варлаам начал петь свою тягостную, внешне нелепую песню, в то время как на фоне аккордов оркестра Самозванец ведет разговор с шинкаркой, я вдруг почувствовал, что со мною случилось что-то необыкновенное. Я вдруг почувствовал в этой странной музыке нечто удивительное, родное, знакомое мне. Мне показалось, что вся моя запутанная, нелегкая жизнь шла именно под эту музыку. Она всегда сопровождала меня, живет во мне, в душе моей и более того – она всюду в мире, знакомом мне. Это я теперь так говорю, – писал Шаяпин годы спустя, – а тогда я просто почувствовал какое-то благоговейное слияние тоски и радости. Мне хотелось плакать и смеяться. Первый раз я ощутил тогда, что музыка – это голос души мира, ее безглагольная песнь».

Самыми одаренными учениками Усатова были Федор Шаяпин и Павел Агнивцев (1866—1920). Павел ради сцены оставил успешную офицерскую службу в Мингрельском полку. «Я очень увлекался его чудесным голосом, и мне нравилась его солидная манера держаться», – писал об Агнивцеве Шаяпин.

Когда в конце лета 1893 года помещение казенного театра арендовала оперная антреприза В. Н. Любимова и В. Л. Форкатти, Шаяпин спросил Усатова: не наняться ли ему в труппу?

– Отчего же нет? – азартно поддержал педагог. – Попробуем! Надо выучить несколько опер. «Русалка» и «Фауст» – это ваши кормильцы, так и знайте. Надо еще выучить «Жизнь за царя».

Однажды на репетиции Шаяпин услышал, как дирижер, веселый итальянец Иосиф Антонович Труффи (1850—1925), говорил кому-то:

– Какой хороши колос у этот молодой мальчик!

Радости Федора не было границ.

Дебют на сцене Тифлисского казенного театра – 28 февраля 1893 года – друзья получили одновременно. Их первое выступление отметила пресса. «Совершенно неожиданно весьма сносными исполнителями оказались новички оперной сцены г. Агнивцев (Амонасро) и г. Шаяпин (Рамфис), ученики г. Усатова, известные нам уже по концертам. Оба они пели и держались на сцене весьма прилично, хотя, конечно, нельзя и требовать от них полного знакомства со сценой – спокойного владения своими голосовыми средствами и игрой. . . Театр был переполнен», – отмечал 30 сентября «Тифлиссский листок».

Репертуар театра Федор Шаяпин освоил уверенно, быстро преодолев робость и застенчивость. В сезоне 1893/94 года артист выходил на сцену более шестидесяти раз, исполнял ведущие басовые партии в четырнадцати операх. В бенефисном спектакле 4 февраля 1894 года Шаяпин пел Тонио из «Паяцев» и Мефистофеля из «Фауста». «Г-н Шаяпин и на этот раз доказал свою музыкальность, мощь голоса и умение владеть им. Игра его, как всегда, была безукоризненной. Артист был в голосе, и многие выдающиеся арии по требованию публики были повторены», – писал рецензент «Тифлисского листка».

«Перед удивленными глазами наших меломанов, помнивших Шаяпина-хориста, ученика, явился Шаяпин-артист в полном значении этого слова. Г-н Шаяпин имеет большой успех, и если он не остановится на пути артистического развития, увлекшись легко доставляемыми лаврами, то в недалеком будущем он будет занимать одно из первых мест в ряду выдающихся артистов», – пророчески предсказал проницательный журналист.

Сезон в Тифлисе завершился на высокой ноте успеха. Чтобы закрепить на его вершине, Усатов благословляет Павла Агнивцева и Федора Шаяпина в путь. С ворохом рецензий и рекомендательных писем друзья отправляются завоевывать Москву.

Но было бы неверным не остановиться еще на одном существенном эпизоде жизни Шаяпина, уже сугубо личном, интимном. К «тифлисской поре» относится и первая любовь молодого артиста. «Ах, Ольга! Я тебя люблю», – написал он, слегка изменив слова из арии Ленского, на своей фотографии, подаренной юной поклоннице.

...Итак, она звалась Ольгой! Впоследствии, когда Шаяпин сблизится с Максимом Горьким, артист и писатель будут удивляться поразительному совпадению сюжетов. Недолгая жизнь в Тифлисе также сыграет в судьбе Горького важную роль. Его первый рассказ появился в газете «Кавказ» в 1892 году; тогда же Шаяпин прочел и первые отзывы критики на свои оперные дебюты. Как и Шаяпин, Горький в поисках заработка служил на Закавказской железной дороге – в слесарных мастерских. «Было и еще некоторое странное совпадение, – писал Шаяпин. – В ранней молодости, когда душа, так сказать, стремится к мечте, когда молодые люди влюбляются, у нас вышло почему-то так, что и мое первое увлечение, и его первое увлечение жили как раз в одном и том же городе, в одной и той же местности: на горе Вере, в Тифлисе, причем и его предмет, и мой носили одно и то же имя Ольги».

Ольга Каминская, ввергнувшая Горького в «трагикомические волнения» первой любви, как и избранница Шаяпина Ольга Михеева были женщинами другого круга, нежели тот, к которому принадлежали влюбленные в них молодые люди. Это обстоятельство окружало образы возлюбленных особым ореолом недостижимости. «Я хорошо понимал, что она культурно выше меня», – писал Горький об Ольге Каминской в «Рассказе о первой любви».

Ольга Михеева окончила Петербургскую консерваторию. Ее рассказы о величественной красоте российской столицы приобщали Шаяпина к удивительному и неведомому прекрасному. Да и внешним обликом, манерой держаться Ольга сильно отличалась от знакомых Федору хористок, простых и не очень требовательных женщин.

Незадолго до встречи с Ольгой Федор расстался со своей подругой Марией Шульц, принявшей оборванного бродягу-артиста в первые дни тифлисского бытия. Шаяпин остался благодарен Марии за кров, за самоотверженность: чтобы прокормиться вдвоем в трудную пору, Мария продавала свои вещи. Но, когда Федор сам начал зарабатывать, непрочный семейный быт совсем развалился. Пьяные ссоры чередовались с бурными примирениями, и казалось, что выйти за пределы унылого и угнетающего однообразия уже невозможно...

Ольга же представлялась Федору воистину неземным созданием. Они познакомились на одном из концертов в музыкальном кружке. Барышня в пенсне, в изящном воздушном платье взволнованно исполняла чувствительный романс «Пльви, моя гондола...».

На следующем вечере выступал Федор. Арию Гремина «Люби все возрасты покорны» он посвятил Ольге, она была тронута, наговорила певцу комплиментов. «Трагикомических волнений» в этом романе было предостаточно. Против Федора ополчилась мать Ольги, она не разделяла выбора дочери. Однажды, желая выяснить, насколько далеко зашли отношения влюбленных, добродетельная мамаша спряталась за шкафом, но неловким движением обнаружила себя. Изумлению и возмущению Федора не было предела. Он не сомневался, что оскорбленная Ольга порвет с матерью, предложил возлюбленной уйти к нему, жить на его скромный достаток. Но мать и дочь быстро примирились, а юношеский романтизм Федора «заволокло серое облако каких-то сомнений и подозрений». Много лет спустя Шаяпин в «Страницах из моей жизни» вспомнит оскорбления, обвинит Ольгу в непонимании и высокомерии.

Похоже описывал Горький и свою избранницу, порицая ее за «снисходительное отношение к людям»: «Ей жизнь казалась чем-то вроде паноптикума». Горький и Шаяпин мучились и ревностью, и «комплексом неравенства», и невозможностью самим «вписаться» в среду,

к которой принадлежали обе Ольги. К тому же ни Горький, ни Шаяпин в ту пору не могли обеспечить своим возлюбленным более или менее достойную жизнь; это, безусловно, влияло на отношения и неизбежно способствовало разрыву.

Описывая в «Страницах из моей жизни» неудачный юношеский роман, Шаяпин не задумывался о том, что Ольга может их прочесть. Однако именно так и произошло... Ольга Петровна Михеева (1873—1943), скромная учительница музыки, до старости жила в Тифлисе. Первая любовь артиста пережила его на пять лет...

Последнее впечатление Федора о Тифлисе: «Пришла на станцию Ольга с матерью. Я начал уговаривать ее ехать со мною. Она отказалась... Когда лошади потащили нас вдоль Ольгиной улицы на Военно-Грузинскую дорогу, сердце мое мучительно сжалось...»

Глава 7

Тифлис – Москва – Петербург

Федору 21 год. Пережитые скитания не погасили романтическую наивность и восторженность. Вместе с Пашей Агнивцевым Шаляпин едет в Москву. По дороге умудрились в Ставрополе дать концерт; в кармане гонорар – 250 рублей, огромная сумма!

Мысли о Москве, о Большом театре будоражат воображение молодого певца. Чтобы скоротать дорогу, Федор садится играть в «три туза» со случайными попутчиками и очень скоро становится жертвой ловких поездных шулеров. Приподнятого настроения как не бывало, в душе горечь, тревога и злость на самого себя. Даже Паше Агнивцеву стыдно признаться в происшедшем. Радость от встречи с Москвой омрачена. Город только ошеломил провинциалов своей пестротой, суетой и шумом.

Оставив свой нехитрый багаж в номерах, Шаляпин направился на Театральную площадь. Большой театр с величественной колоннадой, увенчанной квадригой Аполлона, поразил его. Храм искусства показался строгим и неприступным, не верилось, что его двери могут гостеприимно распахнуться перед ничтожным провинциалом, каким чувствовал себя Федор в эти минуты. Рядом с площадью – Охотный ряд, лавки, полные мясных туш, овощей, фруктов. Снуют разносчики всяческой снеди, бойкие лоточники, пестрят вывески трактиров, чайных, кофеен... но в кармане пусто.

Поутру Федор отправился в Дирекцию императорских театров – на Большую Дмитровку. Сонный сторож куда-то унес рекомендательное письмо Усатова, потянулись часы томительного ожидания. Наконец выяснилось: управляющий конторой П. М. Пчельников его не примет, а императорские театры закрыты до осени, прослушать певца некому. Оставалась хрупкая надежда: на даче под Москвой, в Пушкине, жили дирижеры Большого театра И. К. Альтани и У. И. Авранек – может быть, Шаляпину помогут письма их тифлисских коллег, антрепренера В. Л. Форкатти и дирижера И. А. Труффи. Но и здесь певец не встретил сочувствия: никто не захотел прослушать его, дать совет, где устроиться, как продержаться до начала театрального сезона. Видимо, от соседей по номерам узнали Шаляпин и Агнивцев о Театральном агентстве Е. Н. Рассохиной. И вот они перед домом Сушкина в Георгиевском переулке, что на углу Тверской. На втором этаже – залы «Первого театрального агентства для России и заграницы».

Умная и бывалая дама Елизавета Николаевна Рассохина (1860—1920) заботилась в первую очередь о коммерческом успехе своего предприятия. Она помогала антрепренерам набрать труппу подешевле и получала за это хороший процент. Рассохина знала: в большинстве случаев к ней обращаются люди, потерявшие надежду устроиться где-либо самостоятельно, и потому никаких прав за ними не признавала. «Неутомимая, шумливая Рассохина шариком каталась по залам своего агентства, расхваливала товар покупателю с исключительным искусством пройдохи-агента, якобы знающего весь артистический мир. Заключались сделки по договорам, где опять-таки все было на стороне антрепренера и мадам». Так запомнилось посещение бюро Рассохиной известному провинциальному актеру и режиссеру Н. И. Соболю-Самарину.

Федор принес Рассохиной свои фотографии в ролях, вырезки из тифлисских газет. Но не он один искал здесь хоть какой-нибудь сносный ангажемент. У дверей кабинета Рассохиной толпились актеры. Антрепренеры, высокомерно тесня их, солидно проходили в кабинет – «к самой». В ожидании приема Шаляпин и Агнивцев слушали витиеватые актерские байки: кто-то хвастался успехами в провинции, щедрыми подарками благодарной публики, демонстрировал золоченые портсигары, перстни, брелоки, часы. Жаловались и на «хозяйку», на кабальные контракты и поборы.

Наконец Шаяпина приглашают в кабинет. Елизавета Николаевна желает услышать его пение. Федор волнуется: решается дальнейшая судьба. Но голос звучит хорошо, «хозяйка» довольна: «Отлично! Мы найдем вам театр!»

Ждать пришлось почти месяц. Бездеятельное прозябание в дешевых номерах угнетало – грязь, скандалы, крикливые соседи. В воспоминаниях Шаяпин назовет свое пристанище конурой. Паша Агнивцев приглашает товарища прогуляться по Москве. Федор мрачно отказывается: стыдно рассказывать о проигрыше. Но с голодом не поспоришь, и Федор признается Павлу: денег нет! Друг благородно предлагает свои, они обедают в трактире Рогова, помещавшемся непосредственно под Театральным агентством. В залах с низкими потолками, в клубах сизого дыма охотнорядские мясники, рыбаки, возчики, грузчики, разносчики подводят итоги дневной торговли, выясняют отношения; там же актерская братия пропивает и проедает жалкие свои авансы, гонорары, золоченые портсигары и прочие подношения признательной публики.

Паша отзывчив и добр, но при этом отличается необыкновенной скрупулезностью: долги Шаяпина он заносит в записную книжку. Если он расходовал семь копеек, то записывал за Федором три с половиной. Это, конечно, правильно, однако как скучно! – думал Шаяпин и умолял:

– Да запиши ты за мной четыре копейки!

– Зачем же? Половина семи – три с половиной, пяти – две с половиной...

После таких обедов хотелось побыть одному. Федор уходил на Воробьевы горы и оттуда любовался Москвой, золочеными куполами и маковками церквей. Город притягивал к себе... Но здесь, на Воробьевых горах, одолевали Шаяпина и грустные мысли о собственной бездомности, неустроенности – казалось, нет этому конца, – о порушенной любви: письма от Ольги Михеевой приходили, но все реже и становились все короче...

Наконец пришел вызов от Рассохиной. Захватив ноты, Федор мчится в Георгиевский переулок – его ждут! Рядом с «хозяйкой», вальяжно развалясь, расположился плечистый кудрявый человек в поддевке, впечатляющий своим внушительным видом. «Вот это настоящий московский антрепренер!» – подумал Федор. И не ошибся. Перед ним – сам Михаил Валентинович Лентовский (1843—1906), известный публике «маг и чародей», в прошлом актер императорского Малого театра. Ныне Лентовский славен постановками грандиозных феерий и зрелищ в московском театре «Эрмитаж».

– Пойте, – предложила Рассохина.

Федор решил исполнить арию из «Дон Карлоса», кивнул аккомпаниатору, но едва успел начать, как Лентовский оборвал его:

– Довольно. Ну, что вы знаете и что можете? «Сказки Гофмана» пели?

– Нет.

– Вы будете играть Миракля. Возьмите клавиры и учите. Вот вам сто рублей, а затем вы поедете в Петербург петь в «Аркадии»...

Все поразило Шаяпина – и важный тон Лентовского, исключая вопросы и сомнения, и щедрые 100 рублей – нежданное богатство! – и магические слова «Аркадия», «Петербург»... Федор не стал затруднять себя внимательным чтением договора, подмахнул не глядя. Рассохина позаботилась и о дальнейшем трудоустройстве Шаяпина, оформила с ним контракт на предстоящий зимний сезон в Казань и кабальный вексель, по которому Шаяпин в случае отказа от обязательств платит серьезную неустойку. Но в эту минуту Лентовский и Рассохина казались ему благодетелями – он снова полон надежд, верит в грядущий успех!

А между тем Михаил Валентинович Лентовский оказался в положении банкрота. Только этим можно объяснить его «предпринимательский союз» с арендатором буфета и театрального зала неким Христофором Петросьяном. Совместными усилиями они надеялись завлечь в сад «Аркадия», что в пригороде Петербурга, в Новой Деревне, гуляющую публику. О грядущих

представлениях «знаменитого Михаила Лентовского» уже оповещали афиши на круглых тумбах, об этом сообщали и петербургские газеты.

Судьба Павла Агнивцева еще не решена, но Федор не может скрыть своей радости, он спешит покинуть Москву. Друзья встретятся только через пять лет, в апреле 1899 года: солист императорского Мариинского театра Шаяпин приедет на две недели в Казань, его партнером выступит Павел Агнивцев.

А пока – в путь! Федор на перроне Николаевского вокзала, дымит паровоз, начальник станции в последний раз трижды ударяет в станционный колокол, протяжный гудок! Шаяпин едет в Петербург.

Театры в столице закрыли сезон, артисты ринулись гастролировать в ближнюю и дальнюю провинцию, горожане отдыхают на дачах – теперь это модно. Театральная жизнь из центра столицы переместилась в пригороды, в летние частные, любительские и «дачные» театры. Впрочем, и здесь на наскоро сбитых дощатых подмостках можно было встретиться с высоким искусством. В поселке Озерки зрители, как сообщалось в газетной хронике, благодарно аплодировали талантливой инженеру госпоже В. Ф. Комиссаржевской, впервые выступившей перед петербургской публикой.

В эту же пору, в последние июньские дни 1894 года, в Петербурге объявился и певец Федор Шаяпин. Его пылкому воображению российская столица рисовалась каким-то праздничным городом, вознесенным на гору и утопающим в зелени. Из окна вагона увидел он поначалу бесконечные рабочие слободы, закопченные трубы фабрик, кирпичные заводские корпуса. И город показался Федору дымным, хмурым, не похожим на тот, который он себе представлял.

Чего ждал Шаяпин от Петербурга? Далекоидущих планов у него не было. Именно поэтому певец легко примирился с тем, что «Аркадия» оказалась не роскошным столичным театром, а неприятзательным увеселительным заведением, какие он видел в садах Казани, Уфы, Астрахани, Баку, Тифлиса. И театр в «Аркадии» тоже был деревянный, располагался в саду, недалеко от открытой летней эстрады и ресторана.

Летом в «Аркадию» на Новодеревенскую набережную съезжалось много веселящейся публики. На извозчиках, на небольших пароходиках, курсировавших по Большой Невке, прибывали офицеры с нарядными дамами, модные адвокаты, биржевые маклеры, чиновники, купцы, содержатели торговых домов и магазинов. Бывал здесь народ и попроще. Зрелищ предлагалось много, на разные вкусы и по разным ценам. Нынешний сезон открылся, как обычно, весной, в мае. Зрителям обещана заманчивая программа: спектакли, феерические представления, «кафе-шантаны с балетно-шансонетною программой» и прочие увеселения. Артисты выступали в закрытом помещении и в саду, на открытой эстраде.

Федор снял комнату в небольшом деревянном доме в Новой Деревне, неподалеку от «Аркадии», днем гулял по Петербургу, а вечерами в «Аркадии» аплодировал озорной шансонетной певице итальянке Паоле Кортез. В целом же дела «Аркадии» шли неважно, и на грядущие представления Лентовского – «мага и волшебника» – возлагались большие надежды.

12 июля труппа Лентовского открыла долгожданные гастроли. Давали шумную феерию в пяти картинах «Козрак, или Брака-та-куа». Однако зрители быстро охладели к спектаклю, к тому же рецензенты сочли представление скучным, грубым, бессмысленным и несценичным. Не пробудила стойкого интереса публики и опера «Сказки Гофмана», в которой 24 июля выступил Шаяпин, а дирижировал Иосиф Антонович Труффи, старый знакомец по Тифлисскому оперному театру. Но прессой дебют Шаяпина в Петербурге был замечен. Журнал «Артист» писал: оркестр играет с увлечением, солисты заслуживают похвалы, недурен также и мужской хор. Публике в числе прочих понравился и «г. Шаяпин (красивый basso cantante)». Первое упоминание в столичной прессе не обошлось без опечатки.

«Магу и волшебнику» Лентовскому явно не везло. Моросили дожди, погода не располагала к прогулкам, до «Аркадии» добирались немногие. Лентовский спешно поставил фарс под зазывным названием «Орловский тигр, или Необыкновенные приключения», но и его премьера общего положения не изменила. «Маг» мрачен, ругается и даже дерется с Христофором Петросьяном, официальным держателем антрепризы и арендатором театра. Труппа бедствует, Лентовский отделяется полтинниками, лишь иногда Федору удается выклянчить у раздраженного «волшебника» трешку или пятерку...

Поняв, что фортуна отвернулась от обитателей «Аркадии», Лентовский, как мог, рассчитался с долгами и отбыл в Москву. Шаяпину тоже пора было уезжать в родную Казань: в кармане у него подписанный у Рассохиной контракт с оперной антрепризой Н. В. Унковского. Но как же не хотелось ему теперь покидать Петербург! Федору нравились широкие, ровные, прямые многолюдные улицы, просторы проспектов и набережных, полноводная темная Нева, украшенные скульптурами аллеи Летнего сада. Город увлек молодого певца своим прекрасным обликом, пестрой художественной жизнью, неожиданными встречами...

Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) – живописец, график, декоратор и режиссер – на три года старше Шаяпина. Его воспоминания воссоздают «художественный дух» российской столицы этих лет. «Вообще, во всем Петербурге царит изумительно глубокая и чудесная музыкальность (по количеству рек и каналов Петербург может соперничать с Венецией и Амстердамом), и музыкальность эта как бы заключается в самой влажности атмосферы. Однако что там доискиваться и выяснять. У Петербурга, у этого “казарменного”, “ничего в себе национального не имеющего города” есть своя душа, а ведь душа по-настоящему только и может проявляться и общаться с другими душами посредством музыки».

Возможно, провинциальный певец Шаяпин видел город иными глазами, однако «музыкальность» столицы он если не осознал, то, безусловно, почувствовал. Как бы то ни было, он решил остаться в Петербурге и в надежде на счастливый случай дал объявление в газете: «Оперный артист (бас), свободный на зимний сезон, ищет ангажемента». Предложений, однако, не последовало. Шаяпин покинул Новую Деревню и переселился на Охту, пристанище петербургской ремесленной бедноты, район жалких лачуг, чахлах деревьев: здесь жизнь дешевле.

«Колосс по увеселительной части». Карикатура на М. В. Лентовского. 1883 г.

Столица в эту пору сильно менялась, утрачивала свой «строгий, стройный вид». Огромные доходные дома неожиданно возникали даже в центре города, они скрыли Адмиралтейство, ранее выходившее на Неву, и Петербург лишился едва ли не лучшего из своих архитектурных ансамблей. Одно из уродливых зданий – Панаевский театр, названный так по фамилии своего владельца. Летом 1894 года его арендовало Оперное товарищество дирижера И. А. Труффи. Неудивительно, что здесь вскоре оказался и Шаяпин.

Труппу набрали в основном из провинциальных певцов, и они с энтузиазмом взялись за дело. «Сегодня товарищи имели первое заседание, на котором были вполне определены

как состав, так и месячный бюджет товарищества. С завтрашнего дня начнутся репетиции», – сообщила газета «Новости» 29 августа. Репертуар составили из популярных ходовых названий, хорошо знакомых Шаяпину по Тифлису: «Трубадур», «Аида», «Травиата» Дж. Верди, «Жизнь за царя» М. Глинки, «Африканка» Дж. Мейербера, «Кармен» Ж. Бизе, «Фауст» Ш. Гуно, «Паяцы» Р. Леонкавалло.

Неуютный зал не понравился Федору, но коллеги встретили его хорошо, и в первом же спектакле – «Фаусте», состоявшемся 18 сентября 1894 года, – он пел Мефистофеля. Газета «Новое время» писала: «Приятный бас у г. Шаяпина (Мефистофель), силы этого певца, кажется, невелики, под конец спектакля его голос звучал утомленно в сцене в церкви и в серенаде, которую его, однако, заставили повторить». «Голос его хорош», – отметила и «Петербургская газета»; указав на малую опытность артиста, плохой грим и ряд вокальных промахов, репортер тем не менее оценил общее впечатление в пользу певца.

Спустя месяц – премьера оперы Дж. Мейербера «Роберт-Дьявол». Шаяпин пел Бертрама. Рецензент «Нового времени» опять выделил его из прочих исполнителей, назвал его пение «сравнительно недурным». «Петербургская газета» оказалась более сдержанна, а в газете «Русь» начинающий музыкальный обозреватель, в будущем известный композитор Николай Черепнин, разнес спектакль в пух и прах...

Глава 8

Уроки столичной драмы

20 октября 1894 года почил в Бозе император Александр III. В знак траура театры закрыты почти на полтора месяца, но Панаевской труппе после долгих хлопот разрешили играть оперы. Спектакли пошли удачно. О Шалапине одобрительно отзываются рецензенты, певцом интересуются знатоки театра, за кулисы приходят известные в художественном мире люди.

Один из таких авторитетных музыкантов – Василий Васильевич Андреев (1861—1918), балалаечник-виртуоз, организатор и руководитель русского народного оркестра. Он сразу оценил талант Шалапина, проникся к нему теплой симпатией, пригласил к себе. В его доме собирались музыканты, артисты, художники. «Душа моя насыщалась в нем красотой, я смотрел, слушал, учился», – признавался впоследствии Шалапин.

В. В. Андреев в ту пору еще не имел той блистательной славы, она пришла к нему позже, но «в художественных кругах» уже был известен. В 1889 и 1892 годах его оркестр имел успех в Париже, он стал часто выступать с концертами в Петербурге и Москве. Андреев возрождал и совершенствовал старинные народные инструменты. По остроумному выражению современника, он ухитрился соединить «фрак и балалайку», сделал свой оркестр великолепным музыкальным коллективом, любимым в самых разных слоях российской и европейской публики.

Андреев привлекал к себе простотой общения, открытым дружелюбием, приветливостью. При этом Василий Васильевич за элегантность и изысканность почитался в художественных кругах «законодателем мод». Наблюдая Шалапина, Андреев, как когда-то Усатов, заботливо советовал певцу, как следует вести себя в обществе.

– Чай пить во фраке не ходят... Фрак требует лаковых ботинок, – иногда осторожно замечал Василий Васильевич.

Федор не обижался, он и сам тяготился своей провинциальной неуклюжестью. «В. В. Андреев усердно и очень умело старался перевоспитать меня. Уговорил остричь длинные “певческие” волосы, научил прилично одеваться и всячески заботился обо мне», – с благодарностью вспоминал он впоследствии.

Андреевские «пятницы» для Шалапина – серьезные уроки этики, культуры, познания искусства. Молодой артист подкупал своей необыкновенной восприимчивостью, как губка впитывал он новые впечатления, жадно слушал собеседников. Василий Васильевич целенаправленно расширял круг его знакомых и наконец свел с дирижером Мариинского театра Эдуардом Францевичем Направником (1839—1916).

В дом известного знатока искусства Тертия Ивановича Филиппова (1826—1899) Федора привели В. В. Андреев и новые молодые друзья певца братья Василий и Николай Стюарты. Т. И. Филиппов – фигура колоритная. Член Комитета министров, государственный контролер, убежденный славянофил, он дружил с А. Н. Островским, Ап. А. Григорьевым, М. А. Балакиревым, М. П. Мусоргским, Н. А. Римским-Корсаковым, В. В. Андреевым. Третий Иванович щедро покровительствовал замечательному исполнителю былин Трофиму Рябинину, известной сказительнице-«вопленице» Орине Федосовой. М. А. Балакирев называл Т. И. Филиппова «другом русской музыки», а Горький почитал его как «крупнейшего любителя и знатока древней русской песни». Помимо высоких государственных чинов Филиппов был активным членом Русского литературного общества, председателем песенной комиссии отделения этнографии Русского географического общества, энергично руководил работой по собиранию, изучению и изданию народных песен, организовывал научные экспедиции по сбору отечественного фольклора.

Федор стал бывать на музыкальных вечерах Филиппова, пел соло и в хоре. В начале января 1895 года Т. И. Филиппов собрал в гостиной многих знаменитостей: играл на рояле приехавший из Москвы вундеркинд Иосиф Гофман, свои чудесные сказы-былины и рекрутские причитания выпевала Орина Федосова. Много лет спустя М. Горький воскрешал свои встречи с Ориной Федосовой в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина»: «...Полился необыкновенно певучий голос, зазвучали веские, старинные слова. Голос был бабий, но нельзя было подумать, что стихи читает старуха. Помимо добротной красоты слов было в этом голосе что-то нечеловечески ласковое и мудрое... Он (Самгин. – В. Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.